

ПОЛ СТЮАРТ & КРИС РИДДЕЛЛ

ХРОНИКИ
КРАЯ

ПОЛНОЧЬ
↔ НАД САНКТАФРАКСОМ ↔

Хроники Края

Крис Ридделл

**Хроники Края. Полночь
над Сантафраксом**

«АСТ»

2000

УДК 821.111
ББК 84(4)

Ридделл К.

Хроники Края. Полночь над Сантафраксом /
К. Ридделл — «АСТ», 2000 — (Хроники Края)

ISBN 978-5-17-095688-3

Вдалеке от Края набирает силу страшный шторм, сметающий все на своем пути. Единственный, кому известно, что Сантафракс доживает последние дни, – молодой капитан воздушных пиратов. Но удача отвернулась и от Прутика – его корабль терпит крушение, члены экипажа разбросаны по Темным Лесам, а сам капитан охвачен отчаянием. И поэтому великолепный город ученых, как и весь Край, брошен на произвол судьбы.

УДК 821.111
ББК 84(4)

ISBN 978-5-17-095688-3

© Ридделл К., 2000
© АСТ, 2000

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	34
Глава четвертая	42
Глава пятая	48
Глава шестая	54
Глава седьмая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Крис Ридделл, Пол Стюарт

Хроники Края. Полночь над Сантафраксом

Посвящается Анне и Кейти

Paul Stewart and Chris Riddell

MIDNIGHT OVER SANCTAPHRAX

First published as “The Edge Chronicles 6: Midnight Over Sanctaphrax” by Random House Children’s Publisher UK, a division of The Random House Group Ltd.

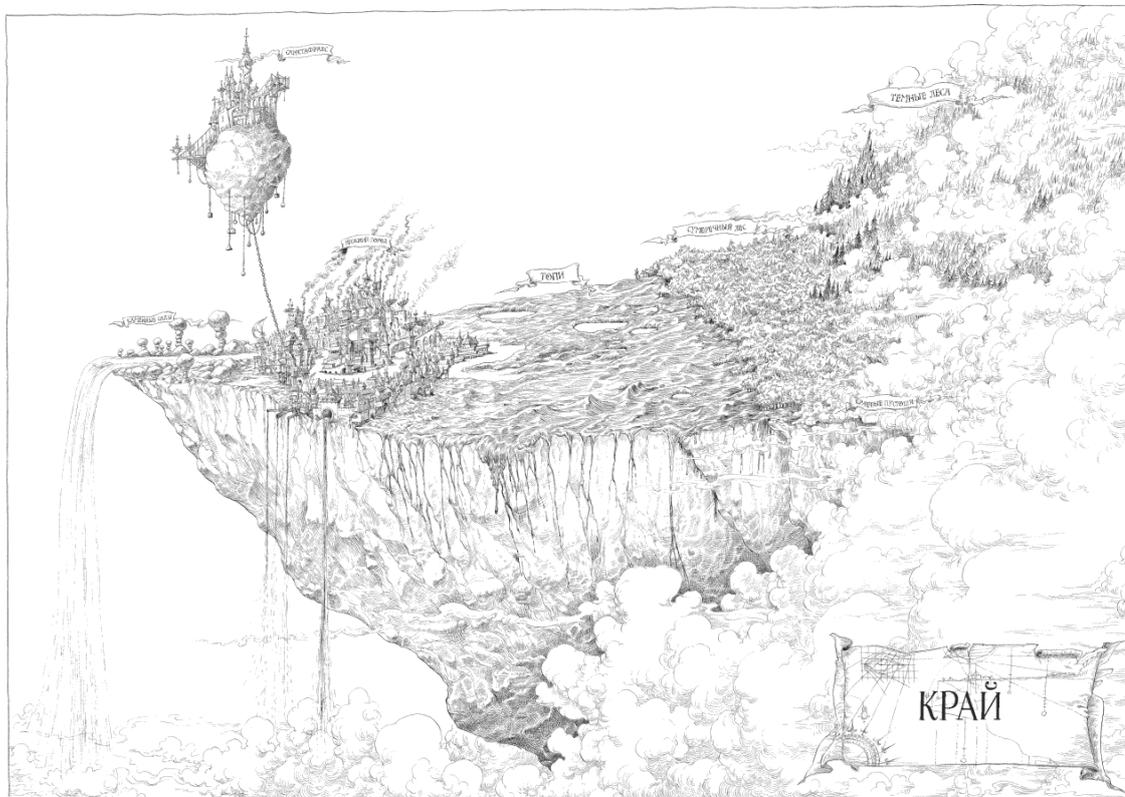
Печатается с разрешения издательства Random House Children’s Publishers UK при содействии литературного агентства Синописис.

Copyright © Paul Stewart and Chris Riddell, 2000

© Е. Трощенко, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Далеко-далеко отсюда лежит Край, вонзающийся в пустоту, подобно бушприту каменного корабля. Некогда бурный поток переливался через этот нависающий выступ скалы. Но теперь Река Края обмельчала, стала медленной и ленивой. Ее исток, который в мифах называют Риверрайз, высыхает, и все притоки и речушки, раньше питавшие ее воды, постепенно исчезают.

В широкой и уже заболоченной дельте реки стоит Нижний Город, гигантский муравейник из ветхих лачуг и полуразвалившихся зданий. В этом городе живут странные люди, представители всех племен и народов, населяющих Край; все они собраны здесь вместе на его узких улочках.

Грязный, перенаселенный и часто беспокойный, Нижний Город к тому же является центром оживленной торговли, как официальной, так и на черном рынке. Город гудит, суетится, вибрирует от энергии. Все, кто живет там, занимаются каким-нибудь определенным ремеслом, принадлежат соответствующей Лиге и селятся в определенном для них районе. Отсюда возникают многочисленные интриги, заговоры, жесткая соревновательность и нескончаемые споры – района с районом, одной Лиги с другой. И все же есть нечто, что объединяет всех, – это их свобода.

Все жители Нижнего Города – свободные граждане. Нижний Город появился в результате второго Великого Переселения и развивался как земля обетованная для тех, кто избежал рабства и тирании, царящих в Темных Лесах. Отцы-основатели города навсегда запечатлели принцип свободы личности в своей конституции. Этот принцип ревностно охраняется и по сей день. Наказанием любому, кто попытается поработить жителя Нижнего Города, будет смертная казнь.

В центре Нижнего Города есть огромное железное кольцо, от которого в небо уходит длинная и тяжелая цепь. На конце этой цепи парит в воздухе невероятных размеров летучая скала.

Подобно всем остальным летучим скалам Края, она появилась в Каменных Садах – пробилась сквозь землю, росла, другие скалы, растущие под ней, выталкивали ее вверх, а она все увеличивалась и увеличивалась в размерах. Когда скала сделалась такой большой и легкой, что готова была улететь в небо, к ней прикрепили цепь. И на этой самой скале был построен величественный город в небе – Санктафракс.

В этом городе были воздвигнуты великолепные здания школ и колледжей. Теперь Санктафракс – это место учености, жилище мудрецов, алхимиков и их подмастерьев. Предметы, которые там изучаются, столь же непонятны, сколь тщательно охраняемы от непосвященных, и, несмотря на показной дух старомодной ученой доброжелательности, на самом деле этот город – рассадник конкуренции и склок. Однако у жителей Санктафракса есть и общая цель: проникнуть в тайны погоды.

Для этого все ученые – от просеивателей туманной дымки и исследователей густого тумана до ветроведов и облакологов – наблюдают и исследуют, обсчитывают результаты и заносят в каталоги ежеминутное состояние постоянно меняющейся погоды и все природные явления, приходящие из просторов открытого неба за пределами Края.

И именно там, в этой огромной неисследованной пустоте, куда рисковали отправиться лишь немногие и откуда никто не возвращался, погоду делает сама Мать Штормов. У нее в запасе и белые бури, и бури чувств: дожди, приносящие грусть, ветра, уносящие разум, густые зеленовато-желтые туманы, которые лишают человека сознания и вызывают галлюцинации.

В стародавние времена авторитетный ученый Архемакс в своем предисловии к «Тысяче блестящих афоризмов» написал: «Познать погоду – значит познать Край». Нынешним ученым Санктафракса следовало бы прислушаться к его словам, потому что, будучи оторванными от земли в своем воздушном городе, они рискуют позабыть о связи между погодой и Краем.

Темные Леса, Каменные Сады, Река Края, Нижний Город и Санктафракс. Имена приведены на карте.

И за каждым из этих имен стоят тысячи легенд – легенд, записанных в древних свитках, передававшихся устно из поколения в поколение, легенд, которые звучат до сих пор.

Дальнейшее повествование и есть одна из этих легенд.

Глава первая Открытое небо

Высоко под облаками в разреженном воздухе на всех парусах летел одинокий корабль. Его тянула за собой огромная птица, взмахивая мощными черно-белыми крыльями и унося его все дальше к месту, внушавшему ужас всем обитателям Края, – в открытое небо.

– Впереди атмосферный вихрь! – закричал с верхушки грот-мачты маленький древесный эльф. Голос его дребезжал от ужаса. – Это что-то чудовищное!

Внизу у штурвала «Танцующего-на-Краю» молодой капитан воздушных пиратов, в накидке из ежеобраза, трясущимися руками поднес к глазам подзорную трубу. Когда он сфокусировал взгляд на темной, яростно крутящейся воздушной воронке, его сердце замерло. Приближающийся вихрь на самом деле был чудовищен: как будто огромные молочного цвета тучи сворачивались и проваливались внутрь самих себя, закручиваясь в гигантский кроваво-красный кулек, в центре которого зияла угольно-черная дыра, угрожавшая целиком поглотить крошечный воздушный кораблик.

– Я вижу его, Шпулер! – прокричал молодой капитан в ответ древесному эльфу.

– Капитан Прутик, он приближается примерно на сотню шагов в секунду, сэр! – завопил Шпулер, и в его голосе явно чувствовалась паника. – Еще немного, и он нас затянет!

Прутик мрачно кивнул. Потoki воздуха вокруг них уже начинали закручиваться совершенно непредсказуемым образом. То и дело они входили в огромные скопления облаков, проваливаясь вниз и вновь взмывая вверх при выходе. Натянув постромки, Птица-Помогарь упорно и неумолимо продолжала свой полет.

– Это просто безумие! – жалобно воскликнул жилистый и носатый старшина-рулевой. Он снял с головы широкую треуголку и вытер пот со лба. – Она летит прямо в вихрь.

– Мы должны следовать за Птицей туда, куда она несет нас, Хит! – прокричал Прутик ему в ответ.

– Н-но... – прохныкал Рован Хит.

– Хит! – кричал Прутик. – Мы уже ввязались в это дело. Просто проследи за тем, чтобы тросы были как следует закреплены.

Что-то бурча себе под нос, рулевой отправился выполнять приказ капитана. На нижней палубе он встретил неуклюжего плоскоголового гоблина с глазами, выпученными от ужаса, вцепившегося в ванты.

– Ни о чем не беспокойся, Тугодум, – скрипя зубами, процедил Хит. – Если наш капитан действительно считает, что эта огромная чахлая птица сможет принести нас к его потерявшему отцу, а не к неизбежной гибели в сердце вихря, то мы-то с тобой кто такие, чтобы спорить?

– И правда, кто! – выкрикнул подошедший член экипажа: коренастое существо, чьи волосы и ярко-красная кожа выдавали душегубца из Темных Лесов. – Вы связали свою судьбу с капитаном Прутиком, как и все мы. И я полагаю, что, как и все мы, нашли в нем нечто особенное, как он нашел нечто особенное в каждом из нас. Мы избранные, да, мы избранные, и мы будем с ним до конца.

– Ну да, – неуверенно ответил Хит. – И конец, кажется, наступит гораздо быстрее, чем я ожидал.

– Воздушный вихрь в ста тысячах шагов, и он приближается, – долетел до них голос Шпулера с мачты.

– Это ничего, что ты боишься, Хит, – прошептал из тени за спиной мягкий, с присвистом голос.

Хит уронил трос и повернулся.

– А, ты опять читаешь мои мысли, не так ли, Лесорыб? – спросил он.

Лесорыб отступил назад.

Это было странное существо, напоминающее лягушку, с перепончатыми руками и ногами и огромными, похожими на крылья ушами, которые постоянно подрагивали.

– Я ничего не могу с этим поделать, – извинился он. – Мы, водные вэйфы, все так делаем. И вот еще что я хочу тебе сказать. Наш молодой капитан хорошо знает Птицу-Помогарь. Он присутствовал при ее вылуплении из яйца, и она обещала помогать ему до конца жизни. Именно она обнаружила, что отец Прутика потерпел кораблекрушение в открытом небе. Она добровольно предложила свою помощь капитану Прутику, а он обещал помогать нам. Мы всегда были за ним как за каменной стеной. Кроме того, – добавил он, – Птица-Помогарь знает, что делает, хотя ее мысли, безусловно, сложновато читать.

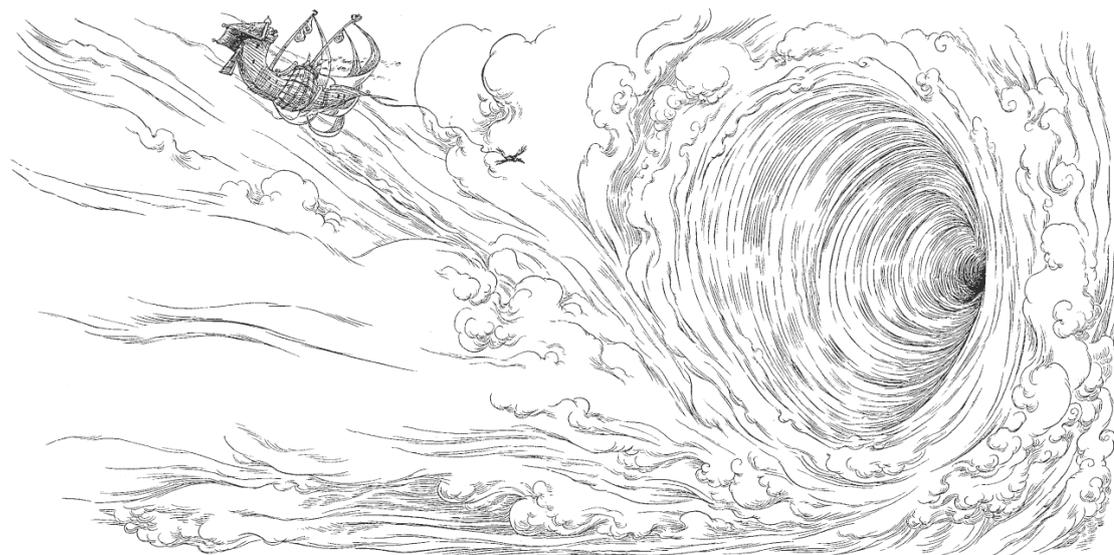
– Ну да, это, конечно, меня безумно успокоило! – саркастически заметил Рован Хит.

– Знаю, – спокойно ответил Лесорыб, – твои мысли я читаю абсолютно ясно.

Улыбка замерла на губах Хита, и его желтоватые щеки побагровели.

– Тросы, Хит! – напомнил Прутик.

Молодой капитан неотрывно смотрел в зияющую впереди пустоту. «Громобой», пиратский корабль его отца, был где-то там, в открытом небе дальше, чем любые воздушные корабли когда-либо залетали. И он найдет его, чего бы это ни стоило.

Их полет продолжался уже двадцать дней и двадцать ночей, Птица-Помогарь летела впереди и неизменно вела их в предательскую пустоту. Вот и теперь, на двадцать первое утро, когда розовые лучи восходящего солнца осветили небо, это, казалось, неутомимое существо несло их все дальше и дальше. А тем временем ветра становились все более и более непредсказуемы, преобладающие юго-западные сталкивались с потоками воздуха, идущими с востока.

– Встань к штурвалу, Гуум! – приказал Прутик стоящей у себя за спиной косматой горе шерсти и клыков. Каждому воздушному пирату нужен верный помощник, и Гуум, толстолап, был верным помощником Прутика. – Держись прямого курса. Мы должны следовать за Птицей-Помогарь.

Гуум заворчал, и его мохнатые уши зашевелились.

Прутик сосредоточил внимание на двух рядах рычажков с костяными ручками, которые управляли полетом корабля. Его руки с ловкостью перелетали от одного рычажка к другому, то приподнимая корму, то опуская нос.

Воздушный корабль нырнул и резко накренился на правый борт, когда Прутик в очередной раз попытался последовать за беспорядочными движениями Птицы-Помогарь. С нижней палубы донеслись тревожные крики. Прутик, сжав зубы, сконцентрировался на полете. Вести воздушный корабль и в лучшие-то времена было нелегкой задачей, а уж когда перед тобой маячит в открытом небе зверский вихрь – и подавно. Словом, Прутику приходилось выкладываться полностью.

Одной рукой он распределял отвесы на корпусе корабля, другой изменял угол парусов, а еще наклонял стаксель, ослабляя грот, осторожно поворачивая кливер... Вот так, потихоньку...

– Угол наклона, скорость и баланс, – повторял сам себе Прутик.

Таковы были три основных правила полета на воздушном корабле.

С каждой минутой ветры становились все более буйными, было трудно придерживаться какого-то одного из них.

– Опустить правый борт, Гуум! – взревел Прутик, перемещая балласт. – Мы должны держаться такого угла наклона...

Вдруг страшный толчок сотряс весь корабль. Трюм заскрипел, мачты задрожали. Корабль резко дернулся и накренился.

– Привяжитесь! – скомандовал Прутик членам своего экипажа. В любой момент «Танцующий-на-Краю» мог перевернуться вверх килем, и, так как под ними не было земли, они падали бы и падали бесконечно.

Шпулер, древесный эльф, спрятался в каюте. Рован Хит ухватился за тросы и привязал себя к фок-мачте. Тарп Хаммелхэрд, душегубец из Темных Лесов, и Лесорыб, водяной вэйф, вцепились в бушприт, в то время как Тугодум, плоскоголовый гоблин, просто закинул назад голову и завыл.

В центре корабля, на платформе над летучим камнем, спокойно, неподвижно и молчаливо возвышалась фигура в плаще и остроконечном капюшоне. Это был последний член команды Прутика – Каменный Пилот.

Порывы ветра с яростью били корабль, то слева по носу, то в правый борт. Прутик полностью поднял на борт балласт и затаил дыхание.

На какое-то мгновение «Танцующий-на-Краю» затрясся еще сильнее, чем прежде. Но он устоял. Обнадеженный этим, Прутик повернул грот и кливер. Воздушный корабль слегка наклонился на левый борт и понесся вперед. Постромки ослабли. Вдалеке Птица-Помогарь неслась к огромной зияющей пропасти вихря.

– Семьдесят пять тысяч шагов до воронки, и она приближается! – кричал Шпулер.

– Оставайтесь привязанными! – громко предупредил Прутик свою команду. – Я не хочу, чтобы кто-нибудь выпал за борт.

– «Кто-нибудь?» – пробурчал Хит. – Скорее уж все сразу! Мы обречены, если будем следовать этим идиотским курсом.

Тарп Хаммелхэрд гневно взглянул на него.

– Хит! – предупредил он.

В ответ Хит с вызовом взглянул на него.

– Кто-то должен ему сказать, – произнес он. – Мы же все погибнем из-за него...

– Капитан знает, что делает, – рассердился Тарп. – Кроме того, мы уже зашли слишком далеко, чтобы теперь отступить.

Услышав, что разгорается спор, Прутик обернулся. Он оглядел свою команду: все были надежно привязаны к вантам. Ужас в их глазах был абсолютно очевиден. Взгляд Прутика остановился на Тарпе.

– Что тут происходит? – спросил он.

– Ничего, капитан, – ответил Тарп, тряхнув косматой рыжей головой. – Просто у Хита немножко поджилки трясутся.

Рован Хит обернулся и посмотрел вверх.

– Насколько мне известно, – сказал он, – еще ни один капитан не заводил свой корабль в атмосферный вихрь и не возвращался живым из такого путешествия.

Остальные слушали, но молчали. Все они были слишком верны капитану, слишком благодарны ему, чтобы ставить под сомнение его команды, но страх перед приближающимся вихрем удерживал от того, чтобы немедленно встать на его защиту. Прутик с грустью посмотрел на них.

Как этот день отличался от того, когда «Танцующий-на-Краю» отправился в свое долгое путешествие. Тогда при свете луны вся команда собралась за сытным ужином из жареной дичи, лесной тыквы и черного хлеба. Они были воодушевлены, древесный эль развязал языки, и все потчевали друг друга рассказами о своей прежней жизни, жизни до того момента, когда Прутик взял их с собой в этот полет.

Для команды «Танцующего-на-Краю» это было первое совместное путешествие. Одним из воздухоплателей был Шпулер, древесный эльф, маленький, осторожный и с таким зрением, что мог заметить белого ворона в болотах за тысячу шагов.

Гуум, молодой толстолап, у которого лишь недавно выросли клыки, одним ударом массивной лапы был способен убить ежеобраза.

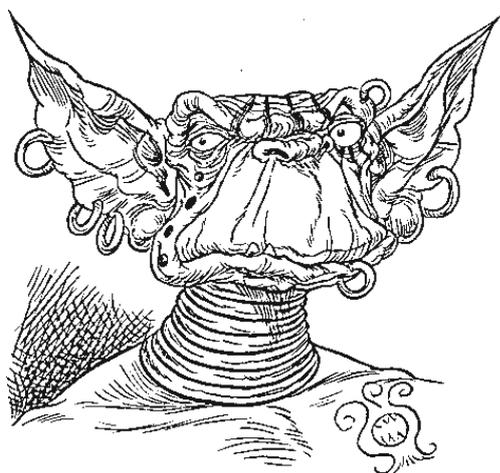
Затем был еще Лесорыб, лягушкообразное создание из самых темных глубин Темных Лесов, чьи похожие на крылья уши были способны слышать все, что другие говорят или даже думают. Всех их Прутик спас из лап Жиропота, гнусного торговца редкими животными, и за это он получил их признательность на всю оставшуюся жизнь.

Тарп Хаммелхэрд, душегубец из Темных Лесов, затерялся в тавернах Нижнего Города.

Тугодум, плоскоголовый гоблин, храбрый воин, некогда служил в охране Сантафракса. С обоими судьба обошлась весьма жестоко, и обоим в тяжелую минуту была предложена помощь: на борту «Танцующего-на-Краю» они получили шанс начать все заново. Ни тот ни другой никогда бы не забыли доброты капитана.

И был еще Рован Хит, который ничем не был ему обязан, умный и хитрый рулевой, – Прутик рискнул взять его на корабль. Из всей команды Прутик был хорошо знаком только с Каменным Пилотом и летал с ним раньше.

– Вперед, к нашему первому совместному приключению! – сказал тогда Тарп и поднял стакан. – И пусть Птица-Помогарь как можно быстрее приведет нас к отцу капитана и в целости и сохранности вернет назад в Край.

Его слова были встречены кивками и возгласами одобрения.

– Вперед, к первому приключению! – прокричали воздушные пираты.

И вот теперь, три недели спустя, Шпулер наверху мачты перекрикивал рев приближающегося вихря.

– Слушайте все! – громко начал Прутик. Он повернулся к толстолапу, который стоял у руля и, несмотря на предательские порывы ветра, удерживал корабль на верном курсе. – И ты тоже, Гуум, – сказал капитан. – Вы все меня слышите?

– Да, – донесся до него хор голосов, и команда, как один, повернулась к своему капитану.

Вокруг них крутились и вертелись тучи, желтые и серые, с электрическими вспышками голубого цвета. Ветер дул все яростнее, по мере того как приближался вихрь, открывая перед ними вход в свивающийся туннель облаков. Прутик обеспокоенно посмотрел вверх.

Его накидка из ежеобраза оцетинилась иглами. Птица-Помогарь все еще летела впереди корабля.

– Я никого из вас не заставлял лететь со мной, – сказал Прутик, – но вы полетели. И я благодарен вам за это – сильнее, чем вы можете себе представить.

Лесорыб понимающе кивнул.

– Я думал, что навсегда потерял отца. Теперь у меня появился шанс найти его. И никогда не забуду, что именно вы сделали это возможным.

– Я полечу с тобой хоть на край открытого неба, капитан! – прокричал в ответ Тарп Хаммелхэрд.

– Ух-гу! – согласился Гуум.

Рован Хит свесил голову и неловко переминался на месте.

– Мы уже много пролетели вместе, – продолжил Прутик. – Теперь потребуется напрячь все силы до предела. Мы найдем Облачного Волка, да поможет нам небо, и вернемся в Край. Но если... – тут он сделал паузу, – если у нас ничего не получится, тогда клянусь, что раз вы все члены моей команды, то, что бы ни случилось, я никогда не покину вас. Никогда! Даю вам слово капитана «Танцующего-на-Краю».

Тарп Хаммелхэрд посмотрел наверх.

– Я не могу говорить за других, – сказал он, – но я с тобой, капитан, навсегда.

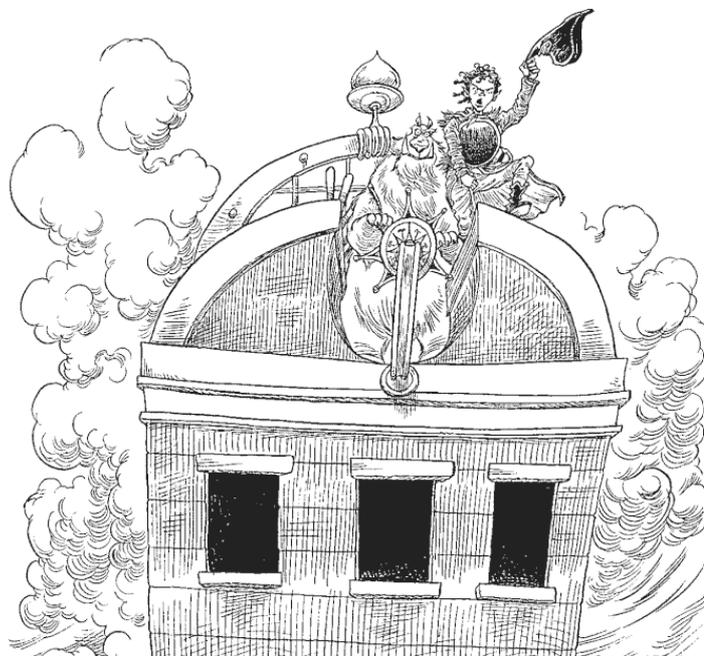
– Я тоже, – поддержал Лесорыб.

По палубе разнесся одобрительный гул. Даже Рован Хит кивнул.

– Впрочем, я все равно не понимаю, зачем все так усложнять и лететь прямо в пасть кошмарного вихря, – пробурчал он.

– Доверьтесь Птице-Помогарь, – пожал плечами Прутик. – Она знает, что делает...

– Вихрь в двадцати пяти тысячах шагов! – закричал Шпулер. – Еще минуты четыре, и нас затянет!

«Танцующий-на-Краю» влетел в серое липкое облако. Штормовые порывы ветра кидали его из стороны в сторону. Гуум стоял, вцепившись в штурвал, а Прутик перебирал пальцами костяные ручки рычажков, судорожно пытаясь удержать корабль на ровном курсе. Повсюду вокруг них вспыхивали и разветвлялись в небе голубые зигзаги молний. Облако

было столь плотным, что воздушные пираты едва могли разглядеть собственные руки, даже если бы поднесли их к лицу.

– Угол наклона, скорость и баланс, – бормотал Прутик. Однако теперь слова не успокаивали. Плотный воздух распирал глаза, нос, рот, и капитан чувствовал, что нервы начинают сдавать.

В этот миг «Танцующий-на-Краю» наконец вырвался из облачной массы. И все члены команды разом отпрянули в ужасе. Прутик ахнул. Казалось, даже Птица-Помогарь была поражена открывшимся перед ними зрелищем. Крутящаяся воронка вихря вдруг оказалась прямо перед ними. Ее кроваво-красная пасть зияла так широко, что занимала почти все небо.

– В-в-вихрь в-в д-десяти тысячах шагов, и о-он п-приближается! – заикаясь, прокричал Шпулер.

– Бери немного выше, Прутик! – донесся до них голос Птицы-Помогарь, которая вновь взмыла вверх, натянув постромки. – Мы должны пройти вихрь в точке спокойствия, в самом центре крутящегося воздушного туннеля.

Не тратя времени на обдумывание приказа, Прутик снова защелкал рычажками, приподнимая нос, припуская корму корабля.

– Да, вот так! – прокричала Птица-Помогарь. – Держитесь этого курса! Пока мы остаемся в центре урагана, у нас есть шанс!

По спине Прутика пробежал неприятный холодок. Крутящийся вихрь с ревом приближался.

– Пять тысяч шагов, – отметил Шпулер. Ураганный ветер изо всех сил трепал «Танцующего-на-Краю», угрожая в любую минуту забросить корабль в роковую воронку. Пахло серой и жареным миндалем, и у воздушных пиратов волосы вставали дыбом от ужаса.

– Тысяча шагов!

Корабль дрожал и скрипел. Члены экипажа хватались за все, что попадалось под руку, и отчаянно пытались удержаться на месте.

И вдруг рваный край смерча оказался уже перед самым носом: их затягивало в воронку. Казалось, будто они смотрят в пасть сказочного чудовища. Пути назад не было.

– Пятьсот шагов! – выкрикивал древесный эльф. – Четыреста. Триста. Двести. Сто...

– Держитесь! – заорал Прутик что было сил. – Мы входим в самый вихрь... Вот оно!

Глава вторая Страшный вихрь

Воздухоплататели погрузились в мир красных тонов. Их настиг порыв горячего ветра, будто вырвавшегося из гигантской топки, уши Прутика разрывал ужасный визг. У него свело живот, он с трудом дышал и едва смог приоткрыть один глаз, от ветра по щекам в три ручья катились слезы.

– О небо! – воскликнул он.

Корабль находился внутри бушующей красной пасти чудовищного атмосферного вихря. Вокруг завывали и свистели крутящиеся воздушные потоки. Однако здесь, в центре, царило жутковатое, липкое спокойствие.

– Наполнить грот, Тарп! – скомандовал Прутик, пытаясь перекричать ревущий ветер. – И проверить еще раз, надежно ли закреплены ванты!

– Есть, капитан.

Трудно было даже вообразить, насколько огромным оказался смерч. Казалось, будто само небо превратилось в страшного прожорливого зверя. А «Танцующий-на-Краю» был внутри его, точно проглоченный целиком.

– Сохранять скорость! – ревел Прутик. – Гуум, привяжись к штурвалу и держись этого курса.

Толстолап немедленно повиновался. А Прутик занялся парусами и рычагами, контролирующими балласт. Воздух меж тем закручивался все быстрее и быстрее, рассерженная красная стена, которая их окружала, постоянно грозила сбить корабль с курса и кинуть его в ужасный круговорот, поэтому главное было поддерживать баланс, по мере того как они продвигались в глубь вихря.

– И что теперь? – спросил Прутик Птицу-Помогарь.

– Обратного пути нет! – прогремела Птица. – Мы входим в бушующее сердце Матери Штормов, в место, где рождаются бури и торнадо, в место ужасающего безумия. Но в самом его центре абсолютное спокойствие и...

– И что? – закричал Прутик. Воздух вокруг стал голубоватым и ледяным, малюсенькие злобные градинки ударили в лицо.

– И, – донесся до него громоподобный голос Птицы-Помогарь, наполовину скрытой облаком клубящегося тумана, – там найдете вашего отца, если кто-нибудь из вас выживет.

Прутика охватило чувство неизбывной тоски. Он упал на колени, и страшные рыдания вырвались из его груди. Лесорыб закричал пронзительным печальным голосом. Хит свернулся калачиком у ног плачущего Тугодума. Крошечные градинки отбивали барабанный ритм по доскам палубы.

– Что происходит? – удивился Прутик. – Что значит эта мировая скорбь? – Он с трудом заставил себя встать на ноги. Это было почти невыносимо.

Тарп Хаммелхэрд тоже стоял на коленях, повесив голову, и выл, как раненый тильдер.

– Но почему? – вопил бедняга, и все его тело сотрясалось от горя. – Почему ты умер? – обращался он неизвестно к кому.

Шпулер кубарем спустился с мачты и склонился над ним.

– Тарп, друг мой, – умолял он.

Но Тарп его не слышал. Потом посмотрел вверх и невидящими глазами уставился на древесного эльфа.

– О Тендон, брат мой! – рыдал он. – Бедный, бедный мой братишка... – и рухнул на палубу, укрывая голову от градин.

Прутик ухватился за штурвал. Позади него вой Гуума-толстолапа заглушал все остальные звуки. На нос корабля безмолвно напал зеленый туман. Плотный и зловещий, он клу-

бился по палубе, скрывая из виду членов команды. Погода менялась и постепенно рыдания экипажа перешли в вой ужаса.

Прутик вздрогнул, когда зеленый туман добрался до него. Туман проникал под кожу, пронизывая тело холодом до мозга костей. Прутика охватила слепая паника.

– Мы обречены! – завопил он. – Нам никогда не выбраться отсюда. Мы все погибнем в этом ужасном месте. Мы...

– За печалью следует страх, – донесся голос Птицы-Помогарь. – И это пройдет. Будь мужествен, капитан Прутик.

Прутик тряхнул головой. Туман слегка рассеялся, и ужас тоже ослабил свою хватку. Теперь пошел моросить мелкий дождь, капли его сверкали и переливались, как маленькие драгоценные камешки. Рован Хит вскинул голову и разразился хохотом. Прутик стоял, запрокинув голову, ипил прохладные капли. У него перед глазами все поплыло. Окружающее сделалось так чудесно, так красиво, так невероятно...

– А-а-а-а-а!! – завопил Хит.

Прутик глянул вниз и увидел рулевого, который отшатнулся от фальшборта и отчаянно царапал себе лицо ногтями. Над его головой сверкала шаровая молния, похожие на змеек язычки пламени извивались вокруг искаженного ужасом лица. Лесорыб закричал и нырнул вниз, укрываясь от сверкающих клубков, с треском ударявших о палубу.

– Вниз! – скомандовал Прутик. Все его приподнятое настроение разом улетучилось.

Рован Хит безжизненной тушей свалился на палубу рядом с телом Тарпа Хаммелхэрда.

– Спасите! Спасите! – голосил Лесорыб высоким свистящим голосом.

– Мы должны лететь вперед! – отвечал Прутик.

А затем все вокруг оказалось в красной туманной дымке. Плотная, всепроникающая, едкая, со зловонным запахом горелого дерева, она замутила взгляд Прутика. Его охватил гнев. Глаза засверкали. Ноздри затрепетали. Он мотал головой и скрипел зубами.

– Пути назад нет! – яростно закричал он, стукнув кулаком по штурвалу.

«Танцующий-на-Краю» угрожающе содрогнулся и задрал нос. Прутик бил по рычажкам с костяными ручками так, что они разлетались в разные стороны. Воздушный корабль, казалось, задыхался оттого, что все отвесы и балласт направлялись в разные стороны. Рядом с Прутиком Гуум тоже не мог совладать с чувствами, которые вызывала у него красная дымка.

– У-ух! – закричал он, охваченный безумным гневом, и стал крушить парапет и пробивать дыры в обшивке корабля. – У-у-у-ух!

Бешенство Прутика тоже возрастало.

– Чтоб ты сгнил в открытом небе!

Позади него толстолап дико рычал, срывая с петель двери, выбивая задраенные люки, так что только щепки летели. Скрипя и потрескивая, «Танцующий-на-Краю» парил теперь, абсолютно неуправляемый. В любую минуту крутящийся вихрь мог разорвать его на куски.

Прутик помчался вниз, на главную палубу, и вперед, к бушприту. Красная дымка наполнила рот, застилала глаза и давала мускулам дикую, незнакомую прежде силу. Безумие нарастало, все чувства покинули его. Он сделался слеп к тому, что являли ему собственные глаза, глух к тому, что слышали его уши. С мечом в руке рубил направо и налево, колот и резал, а ужасный рев толстолапа громычал у него в голове.

Затем все покрылось мраком.

Прутик открыл глаза и обнаружил, что все вокруг залито молочно-белым светом. «Танцующий-на-Краю» висел в воздухе под каким-то диким углом и абсолютно неподвижно.

– Мы победили, – тихо сказал он самому себе и оглянулся вокруг в изумлении. Внезапно все показалось более ясным и отчетливым, чем прежде.

Тарп Хаммелхэрд лежал еле живой, все еще тихо всхлипывая. Рован Хит валялся, не шевелясь, прижав руки к лицу. Тугодум был без сознания, обломок мачты пригвоздил его правую ногу к палубе. Рядом с ним, посреди обломков мачты и обрывков снастей, лежала абсолютно неподвижная меховая куча – толстолап, лишь прерывистое дыхание выдавало в нем присутствие жизни. Одна его огромная лапа лежала на голове Шпулера, древесного эльфа. Тихое хныканье подсказывало, что он тоже еще цепляется за жизнь. Лесорыб сидел на носу, покачивая головой из стороны в сторону.

– Я ничего не слышу, ничего не слышу... – монотонно повторял он.

На верхних ступенях лестницы, ведущей к капитанскому мостику, появился Каменный Пилот.

Прутик слабо улыбнулся.

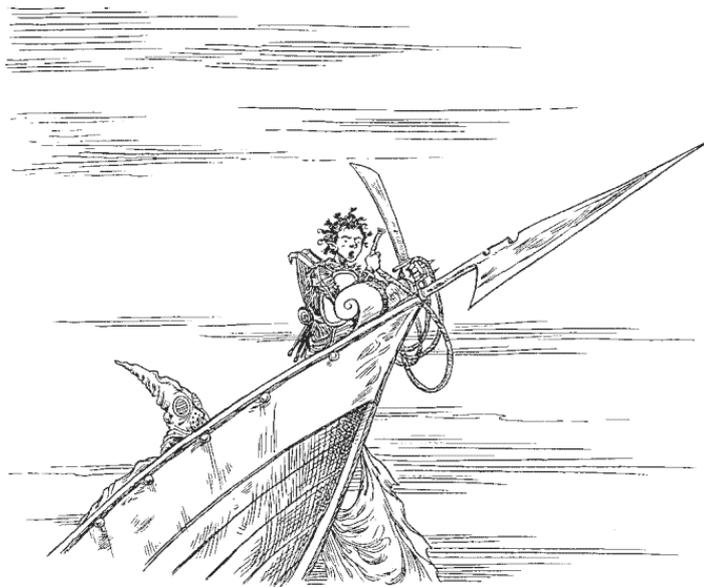
– Слушай, – прошептал он, – я в порядке. А ты?

Из недр капюшона донесся приглушенный голос:

– Ох, капитан!

– Что? – спросил Прутик. – Я... – Он проследил взглядом, куда показывал палец Каменного Пилота. Он указывал на его собственные руки. Прутик глянул вниз и увидел в одной руке кусок свободно повисшей веревки и меч в другой. – Что я натворил? – пробормотал он.

Медленно и со страхом капитан подтянул к себе конец постромки. Веревка двигалась свободно, без сопротивления. Вдруг над парашютом показался ее кончик и упал на палубу к ногам Прутика. Он был аккуратно обрублен.

– Помогарь! – закричал Прутик. – Помогарь, где ты?

Ответа не было. Птица-Помогарь – его проводник и защитник – исчезла. Прутик в ужасе повернулся к Каменному Пилоту.

– Что произошло? – прошептал он.

– Я... я пытался остановить тебя, – сказал Каменный Пилот. – Но ты оказался слишком сильным. Ты ругался и отбрыкивался. Схватил веревку и подтянул к себе. Птица-Помогарь закричала, когда ее крылья ударились о бушприт. Тогда ты поднял меч и бросился вперед...

Прутик ахнул.

– Я убил ее? – не веря себе, спросил он.

– Не знаю, – ответил Каменный Пилот. – Последнее, что я помню, – это то, как Гуум сшиб меня с ног.

– Моя команда, моя команда, – качал головой Прутик. – Что с нами теперь будет?

Огромный тяжелый капюшон Каменного Пилота качнулся из стороны в сторону. Краем глаза Прутик заметил, как что-то черно-белое соскользнуло с накренившейся палубы. Он оглянулся и увидел, как одно из хвостовых перьев Птицы-Помогарь соскользнуло за парапет и упало за борт. Оно упорхнуло в блестящую пустоту, а Прутик содрогнулся от непоправимости ужасного деяния, которое сам сотворил. Чудесная Птица-Помогарь, присматривавшая за ним с тех самых пор, как вылупилась из яйца, исчезла, возможно, погибла, причем от его собственной руки. Теперь Прутик был предоставлен самому себе.

– Что мне делать? – потерянно бормотал он. Потом вытащил подзорную трубу и поглядел вокруг. Молочно-белый свет искрился всеми цветами радуги: одуряюще, гипнотизирующе – красный, оранжевый, желтый и...

Каменный Пилот ухватил его за локоть и призывно крикнул:

– Посмотри-ка в ту сторону!

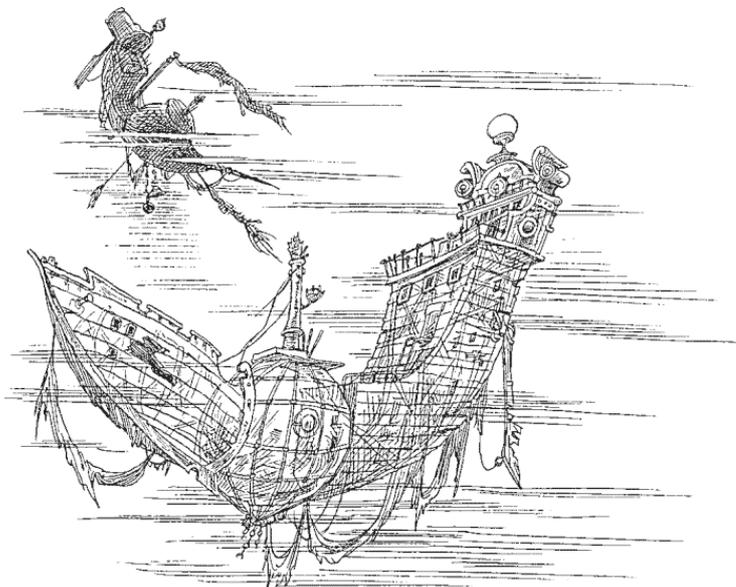
Прутик опустил подзорную трубу и скопил глаза туда, где полыхал белый свет.

– Что? Я... – и тут он увидел.

Там, слабо вырисовываясь в тумане, маячили призрачные очертания корабля, висящего в воздухе. Корабль был почти перевернут, мачта сломана, а паруса бессильно повисли, как мятые крылья древесного мотылька. У Прутика мурашки побежали по телу и глухо стукнуло сердце.

– О Птица-Помогарь, – прошептал он, – все-таки ты меня не подвела. Ты привела меня к «Громобою».

Дрожа от волнения и страха, Прутик наклонился над бортом, сложил руки рупором и поднес ко рту.

– Отец! – закричал он. – Отец, если ты там, ответь мне!

Но с потерпевшего кораблекрушение судна не доносилось ни звука, кроме поскрипывания разбитого корпуса и хлопанья порванного такелажа о сломанную мачту. «Танцующего-на-Краю» ветром отнесло ближе к останкам некогда гордого «Громобоя». Прутик внимательно рассмотрел воздушный корабль. Он светился так, что глаза слепило.

– Я должен выяснить, есть ли там мой отец, – сказал он.

Он схватил один из абордажных крюков с передней палубы, обвязал его веревкой и бросил тяжелый крюк вниз, на соседний воздушный корабль. Казалось, тот прошел почти сквозь «Громобой», и вдруг с содроганием и треском раскалывающегося дерева он ударился обо что-то твердое и там застрял. Каменный Пилот закрепил конец веревки на бушприте. Прутик влез на парпет, положил на веревку обломок доски и ухватился за него.

– Пожелай мне удачи, – попросил Прутик и прыгнул вниз, соскользнув по веревке так быстро, что Каменный Пилот ничего не успел ответить.

Спуск был таким крутым и быстрым, что Прутику показалось, будто у него сейчас руки вывихнутся из суставов. Под ним мелькала лишь зияющая пустота, он набирал скорость и вдруг – бум! – свалился на палубу «Громобоя».

Какое-то время Прутик лежал неподвижно, с трудом веря, что добрался живым. Затем он огляделся. Воздушный корабль был разбит и искалечен почти до неузнаваемости. Казалось, даже дерево обшивки и оснастка обесцветились. Они сделались почти прозрачными, так что Прутик видел все, что находилось внутри корабля. Потом он услышал голос:

– Прутик? Неужели это ты, Прутик?

Прутик резко обернулся и увидел изможденного, бледного человека, который сидел рядом с ветхим штурвалом.

– Отец!

Облачный Волк выглядел теперь намного старше. Его одежда висела лохмотьями, волосы поседели, а глаза были гораздо голубее, чем их помнил Прутик, – неестественно голубыми. На правом плече у него виднелись свежие шрамы от недавнего ранения. Прутик бросился к отцу с бешено колотящимся сердцем, упал рядом с ним и со слезами на глазах выдохнул:

– Папа, наконец-то я тебя нашел.

– Я так долго ждал, мой мальчик, – устало прошептал Облачный Волк. Он притянул Прутика поближе к себе. – Ты много странствовал, чтобы добраться сюда. Птица-Помогарь, которая меня нашла, говорила, что ты прилетишь, и она была права, ты прилетел. Ни один отец в мире не мог бы так гордиться своим сыном, как я.

Прутик стыдливо опустил голову. Слезы капали на его кожаную нагрудную пластину.

– Ну-ну, не надо, – мягко сказал Облачный Волк. – Я знаю, знаю... – Тут его голос стал тверже. – Прутик, ты должен выслушать очень внимательно то, что я тебе сейчас скажу. Я затащил тебя в очень опасное место, – вздохнул он, – если б только раньше знать об этом, никогда не попросил бы птицу, чтобы ты мне помог.

– Но, папа, я сам хотел...

– Не прерывай меня, Прутик, – сказал Облачный Волк. Все его тело, с головы до ног, сверкало. – У меня осталось немного времени, этот жуткий вихрь занес меня... нас сюда, в самое сердце Матери Штормов. Это место спокойствия и просветления, но за то знание, что оно дает, приходится платить ужасную цену.

– Платить? Цену? – с волнением переспросил Прутик.

– Те, кто здесь оказываются, медленно сливаются с Матерью Штормов, Прутик. Она входит в твое тело через глаза, уши, поры кожи. Она наполняет тебя знанием самой погоды, тем знанием, которое ученые Сантафракса вот уже много столетий пытаются заполучить, но одновременно растворяет тебя в себе.

Прутик ахнул:

– Ты имеешь в виду?..

– Я слишком много времени провел здесь, в этом месте успокоения, мой мальчик. И больше не могу сохранять собственные мысли... – Облачный Волк помахал у Прутика перед носом своей бледной, почти прозрачной рукой.

– Папа, – прошептал Прутик, – это значит?...

– Я исчезаю, Прутик, я растворяюсь в Матери Штормов. Самое печальное, что мне приходится покидать тебя как раз тогда, когда мы только обрели друг друга. Но сначала нужно кое-что рассказать тебе, нечто, о чем я узнал здесь. Мать Штормов скоро возвратится.

– В Край? – воскликнул Прутик.

– Да, Прутик, – ответил Облачный Волк. – Тот сильный шторм, который некогда оплодотворил жизнью эту землю, возвращается, как возвращался каждую тысячу лет с начала

времен. Она прилетит из открытого неба, пролетит над Топями, Сумеречными Лесами и затем к самой высокой точке в Темных Лесах, к Риверрайзу.

– Риверрайзу? – выдохнул Прутик. – Но это всего лишь миф...

– Риверрайз существует, – твердо возразил Облачный Волк. – Когда Мать Штормов долетит до него, она обновит его воды, Река Края вновь станет полноводной и хлынет мощным потоком, распространяя силу по всему Краю, принося новую жизнь, новые надежды, – все начнется заново. – Он замолчал. Прутик заглянул ему в глаза и увидел, что они полны боли. – По крайней мере, – прошептал Облачный Волк, – так должно произойти. Но есть существенная проблема.

Прутик нахмурился:

– Не понимаю.

Облачный Волк терпеливо кивнул.

– В последний раз, когда Мать Штормов прилетала в Край, ее путь к Риверрайзу был свободен, – объяснил он. – Но теперь кое-что стоит на ее пути.

– Сантафракс! – воскликнул Прутик.

– Сантафракс, – шепотом подтвердил Облачный Волк, и глаза его затуманились. – Наш воздушный город со сверкающими шпилями и почтенными учреждениями; когда-то давно он был истинно великим, мой дом... – Он закашлялся, прочищая горло. – Сантафракс лежит прямо на пути шторма. Когда они встретятся, энергия Матери Штормов разрушит его.

– Но... – начал было Прутик.

– Тс-с, – устало остановил его Облачный Волк, – есть кое-что похуже: если Сантафракс загородит дорогу Матери Штормов, она никогда не достигнет Риверрайза, чтобы дать ему новую жизнь. Воды Реки Края окончательно высохнут. И тогда, если это случится, мрак из Темного Сердца Темных Лесов распространится, подобно плесени, и поглотит весь Край дюйм за дюймом. – Облачный Волк взглянул на сына. – Прутик, – прошептал он, – Сантафракс не должен встать на пути Матери Штормов.

– Но что я могу сделать? – спросил Прутик, напряженно глядя в лицо отца в поисках подсказки.

– Якорная Цепь... она удерживает воздушный город на месте... ее нужно... перерубить, – с трудом выговаривал слова Облачный Волк.

– Перерубить Якорную Цепь! – в изумлении воскликнул Прутик. – Но... но...

– Сантафракс взмоет ввысь, и Мать Штормов беспрепятственно долетит до Риверрайза. Край спасется, но... – его голос становился все тише, – Сантафракс будет потерян.

Пока он говорил, все его тело стало не только светиться, но и поблескивать.

Прутик ахнул и отступил назад.

– Ч-что п-происходит? – с запинкой выговорил он.

Облачный Волк поднял руки и ошеломленно смотрел, как они сверкают, подобно миллиардам танцующих светлячков.

– Ну вот она и пришла за мной, – вздохнул он.

– Что ты имеешь в виду? Что происходит?

– Я говорил тебе, Прутик. Я слишком долго пробыл здесь, – еле слышно прошептал отец. – Мать Штормов наполнила меня собой. Именно поэтому я знаю, что должно вскоре произойти. Но, обретя это знание, я потерял себя, Прутик. Чем ярче свечусь, тем слабее становлюсь.

Он говорил, и, сверкая все ярче и ярче, фигура Облачного Волка, капитана воздушных пиратов, становилась едва различимой.

– Мать Штормов призвала меня к себе. Мне придется оставить тебя, Прутик.

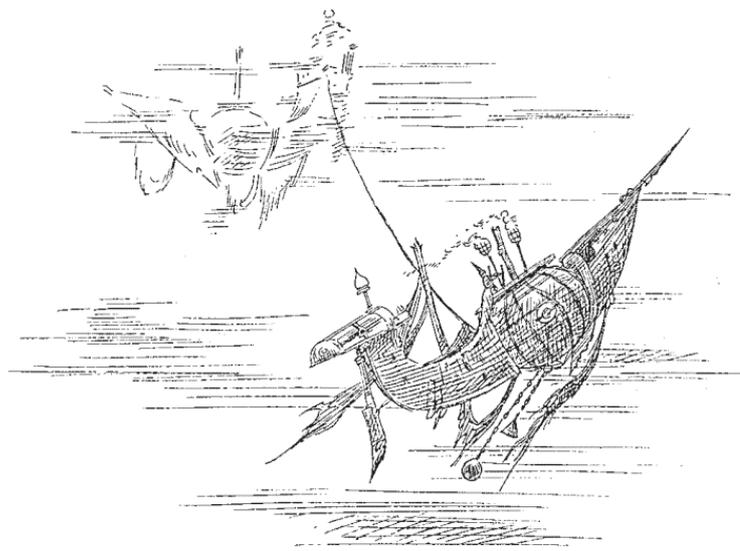
– Нет! – закричал Прутик. – Я не отпущу тебя! – Он подполз к отцу на коленях и попытался обхватить его и поднять на руки, но это было все равно что убаюкивать свет. – Отец!

– И еще, Прутик, – сказал отец. – Ты должен знать вот еще что... Когда Мать Штормов разразится...

– Когда, отец? – спрашивал Прутик. – Когда?

Сверкающие губы Облачного Волка задвигались, но не было слышно ни звука.

– Отец? – в отчаянии закричал Прутик. – Когда?

...Привязанные друг к другу, два корабля воздушных пиратов медленно кружились в воздухе. Прутик покинул растворяющийся «Громобой» и сквозь зияющую пустоту полетел обратно, к «Танцующему-на-Краю», которого Каменный Пилот опустил ниже. С тяжелым стуком Прутик приземлился на палубу. Веревка за его спиной свободно провисла. «Громобой» полностью исчез.

Каменный Пилот пристально вглядывался в посеревшее лицо Прутика:

– Что произошло?

Прутик попытался привести мысли в порядок.

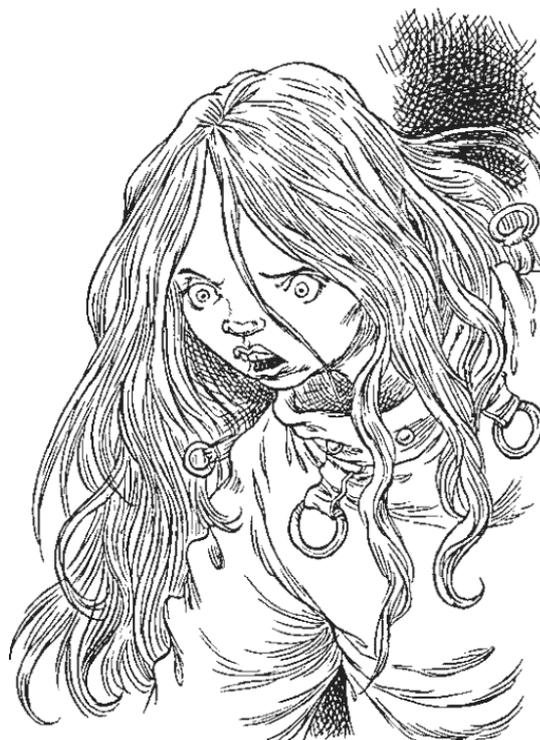
– Это... это было так странно, – прошептал он. – Необычно...

– Капитан Прутик, – повторял Каменный Пилот и тряс Прутика за плечи, – приди в себя. Расскажи мне, что произошло на борту «Громобоя». Что с Облачным Волком, твоим отцом? Ты нашел его?

Прутик взглянул на Каменного Пилота так, будто видел впервые. Его глаза наполнились слезами...

– Да, но... Нет, я не знаю, что и думать...

Ни слова не говоря, Каменный Пилот протянул руку и расстегнул внутренние замочки, которыми его капюшон с застекленной прорезью для глаз был пристегнут к плащу. Застежки отскочили, и Каменный Пилот снял капюшон. Под капюшоном оказалась изящная девичья головка. Рыжие волосы струились по плечам.

– Прутик, это я, Моджин, – мягко произнесла она. – Помнишь? Ты когда-то спас мне жизнь. – Она помолчала. – А теперь успокойся и расскажи мне, что там произошло. – Она стащила с себя тяжелый наряд Каменного Пилота и взяла Прутика за руку.

Прутик покачал головой.

– Я действительно видел отца, – сказал он, – но он ушел. Навсегда. – Капитан шмыгнул носом, как маленький, безуспешно пытаясь проглотить болезненно вставший в горле ком. – Перед тем как исчезнуть, он сказал мне, что я должен сделать. Нужно разрушить Сантафракс.

– Разрушить Сантафракс? – воскликнула Моджин. – Но зачем?

Прутик жестом остановил ее:

– Мы должны вернуться в Сантафракс, чтобы я мог предупредить Верховного Академика.

– Но, Прутик, – заметила Моджин, – мы попали в штить в открытом небе.

Прутик сжал голову руками и покачивал ею из стороны в сторону.

– Прутик, ты должен рассказать мне то, что знаешь, – настаивала Моджин. – Может, по милости неба хоть один из нас выживет и сможет передать послание твоего отца.

– Да, – согласился Прутик, собравшись с силами. – Ты права. – И начал рассказывать Моджин то, что передал ему Облачный Волк, а ее глаза от удивления открывались все шире и шире.

– Мать Штормов, – прошептала она, – Ри-веррайз... я всегда думала, что это просто легенды.

– Я тоже думал, – ответил Прутик. – Я... – Тут у него рот раскрылся от изумления. – О небо! – воскликнул он. – Что же это происходит?

Они оба оглянулись вокруг. Казалось, что блестящий воздух сгустился в ком и летел прямо на них.

– Скорее, Прутик, – торопила Моджин. – Расскажи мне все, пока не поздно.

Белый свет приближался, воздух стал плотнее. Боль у Прутика в ушах стала невыносимой.

– Он сказал мне... он сказал...

Вокруг него свет разгорался все ярче. Свистело в ушах. В голове пульсировала боль. Несмотря на то что воспоминания его, казалось, были абсолютно отчетливы, слова, чтобы выразить их, никак не приходили на ум.

– И что, Прутик? – спрашивала Моджин.

– Когда разразится Мать Штормов? Он сказал тебе или нет?

Прутик сжал голову. Воздух становился все гуще, все тяжелее.

– Я... он... – шептал Прутик. Его глаза готовы были вылезти из орбит, а голову, похоже, зажали в тиски. – Когда... когда упадет последняя капля, тогда она придет. Тогда, когда над Риверрайзом забрезжит заря, – слабо прошептал он. – Над Сантафраксом будет полночь... – Но Прутик не знал, слышит его Моджин или нет, ветер относил его слова в сторону, белый свет затуманивал глаза, и высокий хнычущий звук свистел в ушах. – Надень... капюшон! – закричал он Моджин и двинулся вперед, чтобы помочь ей натянуть тяжелое одеяние.

Воздух стал еще белее. Ярко-белым. Слепляюще белым. Он застилал глаза, скрывая окружающее, так что Прутик, наконец, полностью ослеп. Небо задрожало. Капитан упал в стороне от Моджин, поднялся с трудом и, спотыкаясь, побрел обратно – медленно, невозможно медленно – сквозь этот злобный воздух.

– Моджин!.. – крикнул Прутик или, скорее, попытался крикнуть, ибо голос больше не слушался его.

Он опустил на палубу. Приглушенные звуки отдавались эхом вокруг: пощелкивание, треск, хруст. Белый свет становился все ярче. Звеневший в ушах тонкий плач перешел в визг. Прутик с трудом закрыл глаза, заткнул уши руками и свернулся плотным калачиком.

Но все было бесполезно. Он не мог избавиться от этого света и звуков. Чудовищная белизна была внутри его, столь же ослепляющая и оглушающая, что и снаружи. Она лишала всех чувств. Она уничтожала его память.

– Моджин, – выдавил Прутик. – Моя команда... У-у-упф!

Неспособный выдержать все возрастающее давление, белый шторм взорвался сам собой. На мгновение стало тихо. Затем с громopodobным лязгом ослепительно светящаяся сфера с «Танцующим-на-Краю» в центре вырвалась наружу с такой силой, что даже небо содрогнулось.

Глава третья Обсерватория Лофтус

А вдалеке воздушный город Сантафракс вертелся и качался из стороны в сторону от ужасающей бури. Якорная Цепь, которой он был прикреплен к земле, натянулась до предела. Внутри великолепных зданий Сантафракса его обитатели – ученые и подмастерья, слуги и охранники – сбивались в молчаливые группки, замирая от ужаса при мысли, что Цепь может оборваться.

И лишь Профессор Темноты оставался в одиночестве. Поскольку он – Верховный Академик Сантафракса, его долгом было продолжать работать, в то время когда остальные ищут убежища. При наступлении свирепого шторма он поспешил по винтовой лестнице вверх, в обсерваторию Лофтус, так быстро, как только позволяли ему старые больные ноги. Нужно было проверить показания на различных измерительных приборах, представлявших каждую дисциплину, изучавшуюся в Сантафраксе. И Верховный Академик обнаружил, что все приборы будто с ума посходили.

– О небо! – воскликнул он, входя в просторное помещение обсерватории.

Профессор Темноты в задумчивости потрепал свою кустистую бороду, поправил на носу очки в стальной оправе и внимательно взглянул на приборы.

– Но такие показания неслыханны. – Он выглянул в окно своей высокой башни. – И неудивительно.

Такой страшной бури, какая разразилась ночью, никто в жизни своей не видел. Ураганной силы ветер и проливной дождь пришли с небес в Край и с невиданной злобой обрушились на этот выступ земли:

– Ну давай же! – говорил сам себе профессор. – Нужно снять показания. Все подсчитать. Занести в журнал все цифры и факты.

Болтаясь из стороны в сторону внутри качающейся обсерватории, он цеплялся за приборы.

– Но с чего же мне начать?

Латунный анемометр бешено крутился, показывая ни разу доселе не зарегистрированную скорость ветра. В измерителе интенсивности дождя вода переклестывала через край и громко булькала. Профессор Темноты покачал головой.

– Присутствие высокой концентрации антимагнетических частиц кислотного тумана, – бормотал профессор свои ученые слова. – Невероятно, совершенно неве... Ну ладно, анемометр и измеритель дождя! – удивленно воскликнул он. – Но что, неба ради, делает чувствометр?

Предметом пристального интереса профессора стала небольшая серебряная коробочка, под определенным углом подвешенная на треножнике. В каждую из шести сторон коробочки была вставлена маленькая пластина из мягкого блестящего материала, сделанного из крыльев древесных мотыльков. Как и сами эти создания, материал был чувствителен к эмоциям и менял свой цвет в зависимости от настроения, которое царило вокруг. Гнев заставлял его краснеть, грусть – синеть, страх – желтеть...

В Сантафраксе было два чувствометра: один находился здесь, в башне Лофтус, а другой на малоизвестной Кафедре Психоклиматических Исследований. Обычно чувствительный к погодным изменениям, прибор светился ровным белым светом. Особенно мрачный ливень мог слегка окрасить его в голубой; долгая полоса нежных бризов и солнечных дней могла сделать чуть розоватым. Но это всегда были пастельные тона. Никаких крайностей не замечалось. Ничего сверх того, что вызвало, например, легкое чувство разочарования или желание улыбнуться. Конечно, погода, без сомнения, влияла на всех жителей Края, но ее влияние всегда было небольшим.

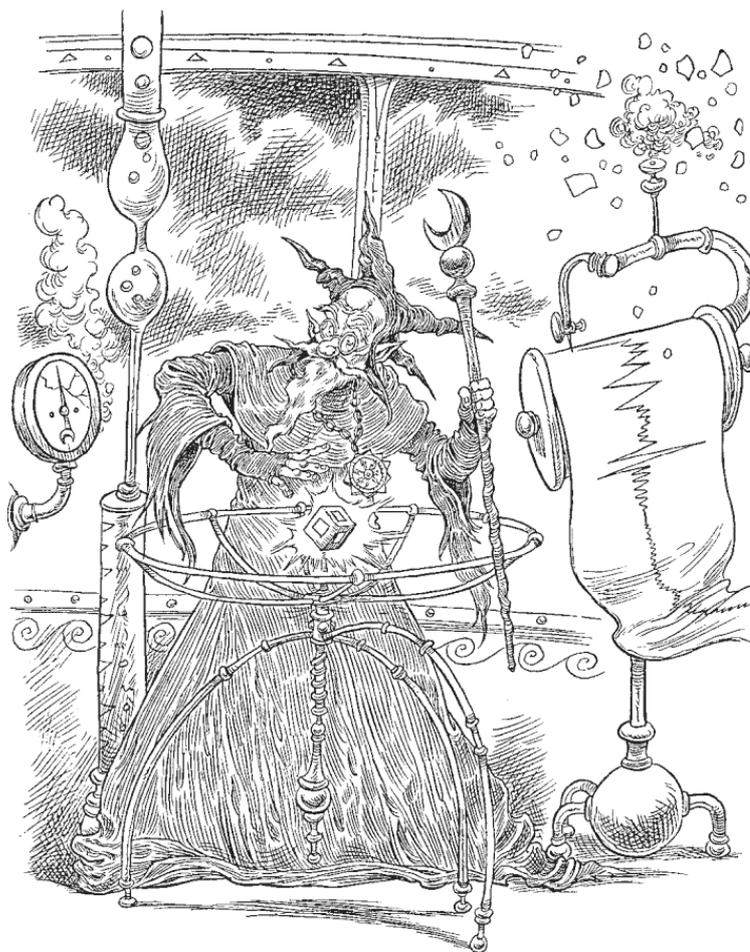
До сегодняшнего дня!

Профессор уставился на чувствометр, и у него дрогнуло сердце, а рот раскрылся от изумления. Прибор буквально пульсировал всеми цветами радуги. Вспыхивал, поблескивал, искрился. То ослепительно красным, то ультрамарином, то горел изумрудно-зеленым цветом. И пурпурный – глубокий, темный, безумный пурпур.

– Буря чувств! – ахнул профессор. Он читал о таких погодных явлениях в пыльных томах «Трактата о Стихиях». – Неудивительно, что в моих собственных мыслях царит такая неразбериха.

В этот миг вспышка молнии зигзагом прорезала клубящееся тучами небо. На мгновение стало светло, как днем. Игла молнеизмерителя выскочила за пределы шкалы и застряла, а измеритель звука и вовсе разбился вдребезги из-за раската грома.

Профессор уставился на сломанные приборы.

– Какие же мы глупцы, а еще делаем вид, будто понимаем погоду, – пробормотал он, из осторожности украдкой глянув через плечо.

Многие в Сантафраксе рады были бы использовать тайные опасения Верховного Академика. Но к счастью, рядом с ним не было никого, кто мог бы услышать эти богохульные слова.

Профессор Темноты со вздохом подобрал полы своей черной мантии и стал взбираться по лестнице в стеклянный купол. Там он приткнул глаз к окуляру огромного телескопа, стоящего в центре круглой комнаты.

Наведя на резкость, профессор все дальше и дальше всматривался в черную пустоту за Краем. Если бы он только мог увидеть еще чуть-чуть...

– Какие тайны скрываются там? – вслух спросил он самого себя. – Ч-что... во имя неба, а это-то что такое? – у него перед глазами пролетела маленькая темная пушинка.

Дрожащими пальцами он снова навел на резкость. Неясный объект обрел форму. Он был похож на воздушный корабль. Но что там мог делать воздушный корабль, непривязанный и так далеко от земли? Едва веря собственным глазам, профессор откинулся назад, достал платок и протер окуляр.

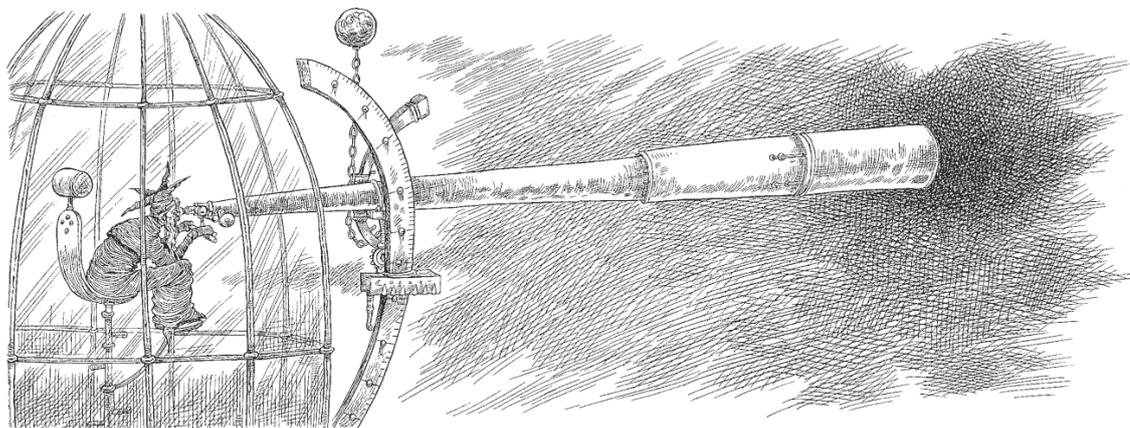
– Нет, никаких сомнений, – в сильнейшем волнении прошептал он. – На самом деле был воздушный корабль. Я уверен в этом. Если только, конечно, не... – Он оглянулся на чувствометр. Тот пульсировал ярко-алым цветом. – Нет, – вздрогнул профессор. – Я не мог такого вообразить. Я не сошел с ума.

Он опять развернулся к телескопу, вцепился в него и с тревогой посмотрел в окуляр. Его глазам открылись лишь клубящиеся воздушные дали. Он дрожащими пальцами наводил на резкость. Все равно ничего. А потом... Профессор ахнул. Оттуда, где он заметил воз-

душный корабль, по крайней мере думал, что заметил, в темном небе разлеталось несколько ярких шаров света. В изумлении профессор оставил телескоп и побежал к окну.

– Падающие звезды! – закричал он.

Одна за другой точки света взлетали и, оставляя за собой горящие полосы, пересекали ночное небо по направлению к Краю. Как заметил профессор, их было всего семь. Нет, восемь; две летели очень близко. Кроме этих двух точек, остальные разбегались каждая в своем направлении, с разной скоростью, по собственной траектории.

Профессор вздохнул. Особенности света вне сферы его научных интересов, но он был бы не прочь получить одну из падающих звезд, чтобы изучить ее со всех сторон и доказать раз и навсегда, что в основе любого света лежит темнота. Проблема заключалась в том, как определить, где они приземлятся.

Падающие звезды уже приземлились, некоторые довольно близко. Другие пролетели над Топями дальше, в Темные Леса. Одна же, светившаяся ярче остальных, улетела дальше, чем хватало взгляда.

– Любопытно, – прошептал профессор. Ветер завывал, и башня поскрипывала. – Очень любопытно.

Внизу, под потрепанным бурей воздушным городом, улицы Нижнего Города превратились в болото. Несчастные жители шлепали по хлюпающей и чавкающей грязище, отчаянно пытались спасти хоть что-то от всеразрушающего водоворота.

– О небо, что с нами будет? – раздался испуганный голос одной из городских гномих, когда яркая вспышка озарила небо. – Почему нас не предупредили, что будет такая ужасная буря?

Ветер свистел. Крыша гроыхала. Над ней по небу с шипением пронеслась падающая звезда. Но гномиха слишком поздно посмотрела вверх и не успела хорошенько ее разглядеть. Она отбросила волосы, упавшие на глаза, и уставилась на воздушный город сквозь стену проливного дождя. Лицо ее исказилось от гнева.

– Почему эти ученые нас не предупредили? – спрашивала она.

– Ученые? Не смей меня, Глим! – сердито прокричал ее муж, пытаясь приладить отставшие и хлопающие на ветру куски кровли на крыше. – Слизни они твякающие, вот кто они такие! Медленные, вонючие, склизкие...

Бабах!

– Тот? – в тревоге окликнула его Глим. – Ты в порядке?

Ответа не последовало. С колотящимся от тяжелого предчувствия сердцем Глим подобрала юбку и, кряхтя, полезла вверх по лестнице. На крыше никого не было. В покоробленной жести зияла рваная дыра.

– Тог! – снова позвала она.

– Да я здесь, внизу, – донесся до нее приглушенный голос.

Крепко цепляясь дрожащими пальцами, Глим подползла по крыше к дыре и заглянула вниз. То, что представилось ее взору, было абсолютно бессмысленно. Посреди комнаты на полу валялся огромный кусок дерева. А под ним был Тог.

– Помоги мне, – прошептал он. – Я не могу двинуться. Не могу д... д-ышать.

– Держись! – крикнула ему Глим. – Я сейчас спущусь.

Она сползла вниз по шаткой крыше и нащупала ногами верхнюю ступеньку лестницы. Ветер отрывал ее пальцы от ступеней, дождь хлестал по лицу. Медленно, осторожно Глим спустилась и вбежала в дом.

– О небеса! – воскликнула она, сжимая счастливые амулеты, висевшие у нее на шее.

При ближайшем рассмотрении кусок дерева выглядел еще огромней. На нем просматривалась резьба, и он был покрыт лаком. Сверху при свете лампы блеснули золотые буквы. «Танцующий-на-Кр...» – слово внезапно заканчивалось рваной массой щепок.

– Похоже на кусок небесного корабля, – заметила Глим. – Хотя кого понесет в небо в такую-то погоду?!

– Да наплой ты! – прохрипел Тог. – Просто сними с меня эту штуковину!

Глим виновато бросилась к нему.

– Да, Тог. Прости, Тог, – бормотала она. Побагровев от натуги, гномиха изо всех сил приподняла обломок. Он был тяжелый, гораздо тяжелее, чем казался. И, несмотря на все усилия, еле-еле сдвигался. Сдвинулся как раз настолько, чтобы Тог смог вытащить застрявшие ноги и отползти назад.

– Ура!

– У-уф! – выдохнула Глим, и деревяшка со стуком упала на пол. – Тог, а Тог, с тобой все в порядке? – поинтересовалась она.

Городской гном внимательно осмотрел себя с головы до ног.

– Да вроде, кости у меня по крайней мере не сломаны. – Он кивнул в сторону куска разбитого воздушного корабля. – Чего не скажешь, пожалуй, о команде этого корабля.

– Ты как думаешь, они были члены Лиги или воздушные пираты? – спросила Глим.

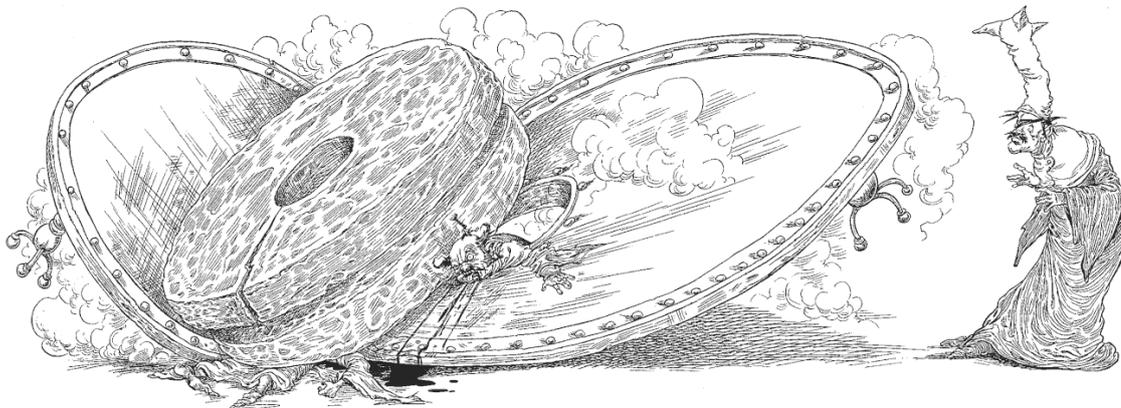
Тог пощупал превосходное дерево и золотые буквы.

– Да вообще-то трудно сказать, – наконец вымолвил он. – Но вот что я тебе скажу наверняка: когда этот корабль был целым, его можно было назвать настоящим красавцем!

Глим содрогнулась:

– Ой, Тог, ты только представь, каково это – в такой жуткий шторм находиться в небе. Некуда бежать. Негде спрятаться... – Она оглянулась на дыру в крыше. – Возможно, у нас не так все плохо, а? – спросила она.

– Ну конечно, – задумчиво ответил Тог. – Пойду-ка я все это заделаю, пока нас совсем не затопило.

Пострадали не только городские гномы. Были и другие, по всему Нижнему Городу, потерявшие свои дома, имущество и даже саму жизнь из-за падающих обломков.

В главном торговом центре большой кусок корпуса корабля придавил часть птичника, принадлежащего Жиропоту, владельцу зоомагазина; половину кудахтавших там птиц убило на месте, а остальные вырвались на волю. Бушприт, как копьё, просвистел по воздуху, пронзив при падении ничего не подозревавшего ежеобраза, заключенного в загоне для продажи на следующее утро. Тяжелая мачта разбила ряд рыночных киосков.

Западная часть города пострадала не меньше. Град падающего балласта нанес серьезный ущерб пышным особнякам нескольких видных членов Лиги. Рулевое колесо – огромный, имеющий форму круга кусок скалы, который поддерживает воздушный корабль на ровном киле, – пробило крышу самой Палаты Лиг. Оно разломило пополам круглый церемониальный стол и убило троих членов Лиги.

Позднее эти трое несчастных были опознаны как Сименон Зинтакс, действительный Глава Лиг, Фаркхар Армрайт, тоненький нервный человек, представлявший Лигу Варильщиков Клея и Сучильщиков Веревок, и Улбус Пентефраксис, быкообразный детина, известный скорее свирепостью в боях с воздушными пиратами, нежели какими-то предпринимательскими способностями. Никто из них не выжил.

Даже самому Сантафраксу досталось от крушения воздушного корабля. Сначала большущий обломок полуюта начисто разнес сложный аппарат, стоявший на балконе Колледжа Облакологии. Минуту спустя тяжелый передний якорь пронзил стену полуразвалившейся – и, к счастью, пустой – Башни Дождеведов, да так там и остался, опасно раскачиваясь посередине осыпающейся стены.

Шум удара был страшен. Он эхом разнесся по всему городу и проник даже в самую летучую скалу.

– Вот оно, – простонал Профессор Ветроведения. – Теперь мы все обречены. – Он повернулся к Профессору Облакологии, который сидел, согнувшись, рядом с ним за своим рабочим столом. – Для меня, мой друг, было удовольствием и честью работать с вами, – сказал он.

– Ну что вы, это только для меня было удовольствием, – сияя, возразил Профессор Облакологии.

Профессор Ветроведения нахмурился.

– Только для вас? – переспросил он. – Если это только для вас было удовольствием, значит, для меня в нашем знакомстве не было никакого удовольствия. А это не так...

Профессор Облакологии сдержанно кивнул:

– Да, но для меня это все же было большим удовольствием.

– А с чего ты решил, тупоголовый боров...

– Это кого ты тут назвал тупоголовым боровом? Да я...

И тут еще более громкий звук сотряс воздух, город зашатался, и содержимое полок и шкафов в кабинете с грохотом повалилось на пол.

– Вот оно, – простонал Профессор Ветроведения. – Теперь-то уж мы точно обречены.

Третий взрыв был еще сильнее. Что-то бухнуло и прогрохотало с такой силой, что оба профессора ничком упали на пол. По всему Сантафраксу все подмастерья, слуги и охрана сделали то же самое.

И только Профессор Темноты, Верховный Академик Сантафракса, знал, что произошло. При звуке первого удара он выглянул из окна обсерватории Лофтус и увидел, что соседняя башня раскачивается из стороны в сторону.

– Башня Дождеведов, – пробормотал он, нервно сглотнув. – Слава небу, что я не там.

Еще несколько дней тому назад его собственный кабинет находился наверху этой башни. Но отчего она так качается? Он глянул вниз. И там, в стене, профессор увидел поблескивающий штырь из дерева и металла, глубоко застрявший в разбитой каменной кладке.

Профессор почесал в затылке:

– Похоже на якорь воздушного корабля, но... а-а-ах! – Он в ужасе замер, глядя, как огромный якорь вздрогнул, скользнул вниз и, в клубах булыжников и известки, с жутким треском рухнул на крыши аркад. Первая каменная опора подогнулась, остальные тоже начали опрокидываться друг на друга, как костяшки домино, пока не свалились полностью.

У профессора рот открылся от ужаса. Глубокие морщины избородили лоб. Он вспомнил о столь таинственно исчезнувшем воздушном корабле. О странных, непонятных обломках. О падающих звездах...

Его размышления были прерваны настойчивым стуком. Профессор повернулся и увидел на широком подоконнике белую птицу с желтыми глазами и зловещим клювом, которым она стучала в стекло.

– Краан! – воскликнул Профессор Темноты. Несколькоми годами ранее он нашел эту птицу в снежную бурю – полумертвым, потрепанным, едва оперившимся птенцом. Он принес его в свой теплый кабинет и немного научил говорить. Теперь Краан был уже взрослым и сильным, и ему удалось стать главным в стае белых воронов, которые гнездились в Каменных Садах, на самом рубеже Края.

Профессор поспешил к окну и распахнул его. Ураганный ветер ворвался внутрь, растрепав бороду и взвихрив полы его черной мантии.

– Краан, мой верный друг, – сказал он, – как приятно тебя видеть, но что могло привести тебя сюда в такую ужасную погоду?

Белый ворон наклонил голову на сторону и уставился на профессора желтым немигающим глазом.

– Странные огни в небе, – ответил он, его голос, хриплый и дребезжащий, заглушал шум бури.

– Падающие звезды, – кивнул профессор. – Я тоже их видел. Я...

– Падающие звезды, – повторил ворон. Он повернул голову и посмотрел на профессора другим глазом. – Одна в Каменных Садах.

Профессор уставился на него в удивлении:

– Ты имеешь в виду... Ты хочешь сказать... – Тут губы его растянулись в широкой улыбке. – Одна из падающих звезд упала в Каменных Садах, так?

– Каменные Сады, – повторил Краан.

– Да ведь ты принес чудесные вести, – сказал профессор.

– Каменные Сады, – в третий раз прокаркал Краан. Он взмахнул тяжелыми крыльями, снялся с подоконника и улетел в ночь.

– Так вот, – говорил себе профессор, торопясь к лестнице, – нужно немедленно пойти и самому все разузнать.

Глава четвертая Каменные Сады

Каменные Сады находились на самом конце выступающего мыса Края. Здесь не было никакой растительности. Ни деревьев, ни кустарников. Никаких цветов. В этом жутковатом месте не росло ничего, кроме скал.

Скалы были посажены в незапамятные времена, и, насколько помнили все жители Края, они всегда там росли. В «Трактате о Стихиях» было несколько упоминаний об удивительных скалах круглой формы, которые, как ни странно, растут и, достигнув огромных размеров, улетают в небо. Огромная летучая скала, на которой был построен Сантафракс, тоже выросла в Каменных Садах.

Под старыми скалами появлялись новые и по мере роста выталкивали их все выше и выше. Со временем формировались своеобразные каменные столбы, потому что одна скала стояла на другой, причем чем выше стояла скала, тем она была больше. Рост скал сопровождался странными, зловещими стонами и звучным низким грохотом – эти звуки, вместе с возвышающимися по всем садам каменными столбами из скал, сделали Каменные Сады местом, которого боялся весь Нижний Город.

Если бы за скалами не следили, то верхние становились бы такими большими, легкими и летучими, что высвобождались бы с шуршащим вздохом и улетали в небо безвозвратно. Но за Каменными Садами все же присматривали. В каменных столбах вот уже много веков гнездилась колония огромных белых воронов, которыми управлял Краан. Это были откормленные и лоснящиеся потомки более мелких по размеру и потрепанных сородичей, которые и теперь живут в Топях. Именно они-то и присматривали за ростом скал.

Их чувствительные когти безошибочно определяли, когда летучая скала созревала и начинала подрагивать. Их чуткие уши улавливали малейший шепот скалы, готовой освободиться и улететь. Раз, а иногда и два в год, огромные скалы взлетали в небо и кружили вокруг Башни Дождеведов. И тогда, подобно снежной буре, вороны спускались на крышу обсерватории Лофтус и давали знать ученым Сантафракса, что пора собирать урожай скал.

Под бдительным присмотром Верховного Академика ученые Сантафракса после церемонии благословения и ритуалов очищения спускались в Каменные Сады и принимались за работу.

Одну за другой, при помощи сеток для камней и скальных кронциркулей, они закрепляли скалы, пока те с жуткими завываниями пытались освободиться и взлететь вверх.

Жители Нижнего Города при виде стаи белых воронов, похожих на призраков, пришедших из мира по ту сторону Края, вспоминали все свои предрассудки и трепетали от ужаса. Завывание скал и карканье воронов, известное в городе как «Песнь мертвых», было почти невозможно вынести. Животные впадали в панику, дети затыкали уши и со всех ног неслись домой, даже у записных храбрецов сердца замирали от страха. Каждый обитатель Нижнего Города в это время хватался за любимый талисман или амулет и без конца шептал молитвы, прося, чтобы смерть пощадила его и дала пожить еще немного.

И все же, несмотря на все страхи и предрассудки, жители Нижнего Города беспокоились бы гораздо больше, если бы однажды этот шум не раздался, поскольку, как бы ужасен он ни был, мерзкий гвалт знаменовал собой появление летучих скал, от которых все в городе зависело. Истощись запас летучих скал – и ни один воздушный корабль не сможет подняться в небо.

Ученым Нижний Город выплачивал за летучие скалы немалые деньги, так что они прекрасно осознавали важность выполнения своих обязанностей. С точки зрения благополучия это приносило им огромные богатства и серьезное влияние в обществе, позволяя вести комфортное существование в великолепном воздушном городе и давая возможность продолжать свои ученые занятия.

И все-таки, невзирая на важную роль скал в своей судьбе, ученые мужи не видели необходимости охранять Каменные Сады. Эту обязанность они целиком возложили на белых воронов. Когда ученые завершали свою работу и уходили, огромные белые птицы с гвалтом устремлялись вниз с обсерватории Лофтус и пожирали оставленные для них туши ежеобразов или тильдеров – или церемониально выложенные тела самих ученых, когда Сантафракс посещала смерть.

И именно в это место смерти и зарождения, в Каменные Сады, рухнула падающая звезда. Вместе с завыванием ветра, носящегося меж каменными столбами, раздалось тихое шипение, и белые вороны увидели маленький светящийся шар, летящий из бездны, за Краем.

Когда он приблизился, шипящий, фыркающий звук стал громче, клубок света – больше и ярче. Внезапно темная туча закрыла луну, но в Каменных Садах стало светлее, а не темнее, потому что светящийся шар несся именно сюда. Его свет превратил остатки воды в трещинах и выбоинах скал в черные зеркала, а столбы круглых скал в шары хорошо начищенного серебра.

Белые вороны захлопали своими потрепанными крыльями и закричали от ужаса. Это была падающая звезда, и она летела прямо к их дому на скалах.

Вниз, вниз, вниз и... бабах! Нечто с громким чавканьем плюхнулось рядом с самым высоким каменным столбом. Там оно и осталось. Ослепительно сверкающее и неподвижное.

Белые вороны с любопытством подались вперед и окружили сверкающий предмет. Опасно ли это? Съедобно ли это? Они каркали, хлопали крыльями и нервно нападали на него, пока Краан не остановил их сердитым окриком:

– Ка-а-ар!

О любых неожиданных вторжениях в Каменные Сады следовало немедленно докладывать Профессору Темноты. И, как глава стаи белых воронов, это должен был сделать именно Краан.

– Ка-а-ар! – закричал он снова и улетел прочь.

Белые вороны остались охранять сверкающий предмет до его возвращения.

– Быстрее же, дурья твоя башка! – кричал Профессор Темноты. – Да что ж это такое! Ты, наверное, самый медленный возница во всем Нижнем Городе! – Он наклонился и своей деревянной палкой ударил тролля-несуна. – Быстрее! – понукал он. – Быстрее!

Но вместо того чтобы ускорить шаг, тролль-несун остановился совсем и уронил на землю деревянные оглобли повозки. Профессора резко отбросило назад и прижало к боковым поручням. Он в бешенстве повернулся к троллю-несуну.

– Что это значит? – воскликнул он.

– Дальше я не пойду, – ответил тролль.

Профессор огляделся и с удивлением обнаружил, что они находятся уже на краю Каменных Садов.

– Не очень-то быстро, – сердито заметил он, – но я тебя еще не отпускал. Мне надо, чтобы ты повез меня в сами Каменные Сады.

Троль-несун отрицательно замотал головой.

– Ты меня слышишь? – спросил профессор.

Троль-несун мялся, переступал с одной голой ноги на другую, месил дорожную грязь и упорно смотрел в сторону.

– Больше я ни шагу не сделаю, – твердо заявил он в конце концов. – Я и так уже завез вас дальше, чем мне хотелось бы. – Троль поежился. – Ненавижу это место. У меня просто мурашки по спине ползут.

– Понятно, – коротко заметил профессор и вылез из повозки, расправляя мантию. – Ты подождешь меня здесь! – приказал он.

– Ну нет... – захныкал тролль-несун.

– Тебе же хуже будет, коли не подождешь, – предупредил профессор. – Если, когда я вернусь, тебя здесь не будет, позабочусь о том, чтоб ты больше никогда в жизни не толкал повозок.

Троль-несун беспокойно оглянулся.

– Ладно, – сказал он наконец. – Но... это... Вы уж не долго там, а?

Профессор оглядел мрачный скалистый пейзаж, открывавшийся взору, и сам содрогнулся от нехорошего предчувствия.

– Поверь мне, – пробормотал он, – я вернусь как можно быстрее.

Плотно запахнув полы мантии и подняв капюшон, профессор направился в Каменные Сады. Он спотыкался и хлюпал по грязи, деревянная палка колотила его по ногам. Ученый чувствовал себя усталым, и ему становилось совсем не по себе. Каменные Сады, стонавшие и скрипевшие вокруг него, внезапно показались неприятно огромными, а шансы найти упавшую звезду смехотворно незначительными.

Куда ему идти? Что ему искать?

При свете низко висящей луны, которая то горела ярче, то скрывалась за налетевшей тучей, профессор уловил впереди себя мелькание хлопающих крыльев. Его сердце замерло. Эти дикие птицы, которые населяли Каменные Сады, были непредсказуемы и опасны, и, услышав их хриплое карканье, он уже готов был повернуть обратно, как вдруг ужасная мысль пришла ему на ум.

«Раз о падающей звезде мне сообщил Краан, – подумалось ему, – весьма вероятно, что именно вокруг падающей звезды они все сейчас и кружатся. Ой-ой-ой, – вздохнул он. – Ну смелее же. Главное не показать страха, иначе они тебя заклюют».

Луна зашла за горизонт, стало значительно холоднее. Туман, поднимавшийся от земли, клубился вокруг ног профессора и его палки-погонялки.

– Да защитит меня небо! – пробормотал он дрожащим голосом, когда крики белых воронов стали громче.

Ведомый лишь нескончаемым хриплым граем, профессор шел, спотыкаясь на неровной земле, почти ничего не видя из-за густой дымки.

И вдруг перед ним в тумане возникли очертания высокого каменного столба. Профессор остановился. С полдюжины больших белых воронов сидели на верхнем валуне и сварились из-за места. Другие гомонили по краям. Еще с десятков – все огромные – шумели на земле и, распутив крылья, кружились в странном воздушном танце. Было совершенно ясно, что они что-то охраняли.

Профессор приблизился на шаг. Его сердце колотилось не только от страха, но и от волнения в предчувствии находки. То, вокруг чего собрались белые вороны, светилось само по себе. Он сделал еще шаг вперед. И еще...

– Ка-а-ар! – яростно закричали белые вороны, заметив пришельца. Сидящие на каменном столбе захлопали крыльями и с криками взмыли в воздух. Те, что были на земле, угрожающе раскрыв клювы и растопырив когти, бросились на профессора. Они были рассержены и голодны.

– В-вы знаете, к-кто я такой? – закричал профессор. Он показал им тяжелую золотую печать Верховного Академика, которая на цепи висела у него на шее. – Это же я, Верховный Академик, который вас кормит, который...

Он замолчал. Птицы не обращали ни малейшего внимания на его слова. Они окружили ученого и дико хлопали крыльями, оценивая его силы. Бездна было пытаться удержать их на расстоянии. Даже если бы профессор попытался своей тяжелой палкой отбиться от тех, что были перед ним, другие вероломно напали бы на него сзади.

– Краан! – закричал он. Его старый друг, конечно, не допустил бы, чтобы ему причинили вред. – Краан!

Сверху, у него над головой, раздался шум крыльев самого большого и сильного из белых воронов, который по спирали опускался с неба. Сверкнули его когти. Блеснул клюв. Это был Краан. Отшатнувшись назад, профессор смотрел, как тот приземлился на спину одного из атаковавших и клюнул его в шею. Громкий крик эхом пронесся по Каменным Садам. Кровь брызнула на белые перья.

– Ка-а-ар! – угрожающе закричал Краан. Остальные белые вороны отступили.

– Здесь опасно, – прокаркал Краан, обернувшись, чтобы злобно напасть на птицу, осмелившуюся подойти слишком близко.

– Падающая звезда... – заикаясь, выдавил профессор.

– Падающая звезда, – хрипло подтвердил Краан, развернувшись и прокладывая дорогу в толпе раздраженных воронов.

Профессор шел за ним, все еще волнуясь. Если вся стая собралась бы вместе, вороны мигом могли одолеть своего вожака.

Подойдя к светящемуся предмету, профессор посмотрел вниз, пытаясь разглядеть его в густом тумане. Он вздрогнул, едва веря собственным глазам. Должно быть, у него разыгралось воображение. Или это был обман зрения из-за того, что свет и тень падали особым образом. Он подошел еще ближе, присел и дотронулся до странного предмета рукой. Но пальцы подтвердили ему, что и глаза не обманули. Это была не упавшая звезда. Не шаровая молния. Не светящаяся скала.

Это было тело воздушного пирата, лежавшего на животе, лицом вниз, – и оно светило с головы до ног ярче, чем факел.

– Я знал, что воздушный корабль мне не привиделся, – пробормотал профессор. – Должно быть, он взорвался. А падающие звезды, которые я видел, те восемь шаров света... – Он вновь посмотрел на воздушного пирата. – Неужели они были командой этого корабля?

Карканье белых воронов стало еще громче. Теперь профессор понял, почему они охраняли свою находку столь ревностно и почему его появление вызвало такую ярость. Для них воздушный пират, упавший прямо в место их обитания, был бесплатной едой – едой, которой Краан и вновь пришедший мешали им насладиться.

Профессор протянул руку и схватил воздушного пирата за плечо. Когда он это сделал, его пальцы коснулись чего-то острого, как иголки. Он отдернул руку и пристальнее взгляделся в лежащего.

– Шкура ежеобраза, – задумчиво пробормотал он.

Профессор осмотрел тело пирата, отметил его молодость и густые спутанные волосы. Теперь он уже аккуратнее взял человека за плечо, перевернул на спину и уставился ему в лицо.

– Ты! – ахнул он. Тело пирата пульсировало зловещим ослепительным светом. – Ой, Прутик, что же с тобой случилось? Что ты наделал?

Вокруг них каркали и пронзительно кричали белые вороны, самые смелые из них подавались вперед и пытались клюнуть своими страшными клювами ногу Прутика.

– Прутик! – в отчаянии позвал профессор. Отважный молодой капитан воздушных пиратов все еще был жив, но жизнь угасала в нем с каждой минутой. – Прутик, очнись. Я заберу тебя в Сантафракс. Прутик, ну же! Не послушался ты меня, нет. Ты говорил мне: «Я капитан воздушных пиратов, как мой отец и отец моего отца. Это у нас в крови». Вот как ты сказал. И вот что из этого вышло. Ох, если бы твой отец, Квинтус Верджиникс, видел тебя сейчас...

При упоминании имени отца Прутик зашевелился. Профессор улыбнулся. Белые вороны, крича от ярости, отступили назад.

Веки Прутика дрогнули. Профессор с радостным волнением следил за их движением.

– Или, может, мне следует назвать его другим именем. Именем самого уважаемого пирата, который когда-либо бороздил воздушные просторы, пирата, которого больше всех боялись. Облачный Волк...

Глаза Прутика распахнулись.

– Отец, – проговорил он.

– Нет, Прутик, – мягко отозвался профессор, – не твой отец. Это я, Профессор Темноты.

Но в блуждающем взгляде Прутика, диком, невидящем, не было и тени мысли. Прутик больше не мог говорить. Профессор понимающе покивал.

Тело молодого капитана, кроме того что оно светилось странным светом, казалось, не пострадало, чего нельзя было сказать о его рассудке.

Вороны снова приблизились. Краан отогнал особо настойчивых и повернулся к профессору.

– Давай, – разрешил он. – Бери падающую звезду, быстро!

По напряжению в хриплом голосе птицы профессор понял, что Краан не сможет дольше удерживать остальных воронов на расстоянии.

Пытаясь не обращать внимания на мутные глаза Прутика, бессмысленно уставившиеся в пространство, профессор подхватил его под руки и поставил на ноги.

– Теперь иди, – проговорил он. – Давай же. Сделай это, ты можешь...

Небо на востоке посветлело, когда профессор ковылял обратно через Каменные Сады, одной рукой поддерживая Прутика за плечо, а другой опираясь на свою палку.

– Вот так, Прутик, – ободряюще говорил он. – Еще немного, всего пару шагов.

Глава пятая Каулквейп

– Падающая звезда! – Младший служка, подросток с жесткими топорщащимися волосами, в одежде с чужого плеча, одиноко стоял, уставившись в ночное небо. – Как любопытно, – шептал он.

Буря кончилась, и ученые выбирались из своих многочисленных убежищ.

– А что это у нас тут? – раздался за спиной у юноши насмешливый голос. – Маленький звереныш, сынок члена Лиги. А чего это ты не в библиотеке, не засунул нос в свои свитки, Каулквейп?

Голос принадлежал подмастерью в отороченной мехом мантии, какие носят все в Колледже Облакологии. За ним стояли еще несколько человек, все они стряхивали пыль с одежды и посмеивались.

– Я думал... – пролепетал подросток, – мне показалось, я что-то видел, Вокс.

– Пусть за небом специалисты наблюдают, – с гаденькой улыбочкой заметил Вокс. – Тебе что, сортира какого-нибудь не хватило почистить?

– Я... да я так, тут просто проходил, – вымолвил Каулквейп, неуклюже собирая в охапку свои манускрипты, и поспешил по выложенной булыжником дорожке прочь от всей этой компании.

– Урод из Нижнего Города, – донесся до него голос Вокса.

Каулквейпу едва исполнилось пятнадцать, и он был очень маленьким для своего возраста. Он занимал самую низшую ступень социальной лестницы Сантафракса – и одной из его обязанностей было как раз чистить туалеты. Он был мальчиком на побегушках для любого, у кого были какие-то задания для слуги. Ему приходилось бегать с поручениями для

всяких помощников профессоров, просеивать туман, измерять силу ветра и поддерживать воздушный город в безупречной, сияющей чистоте.

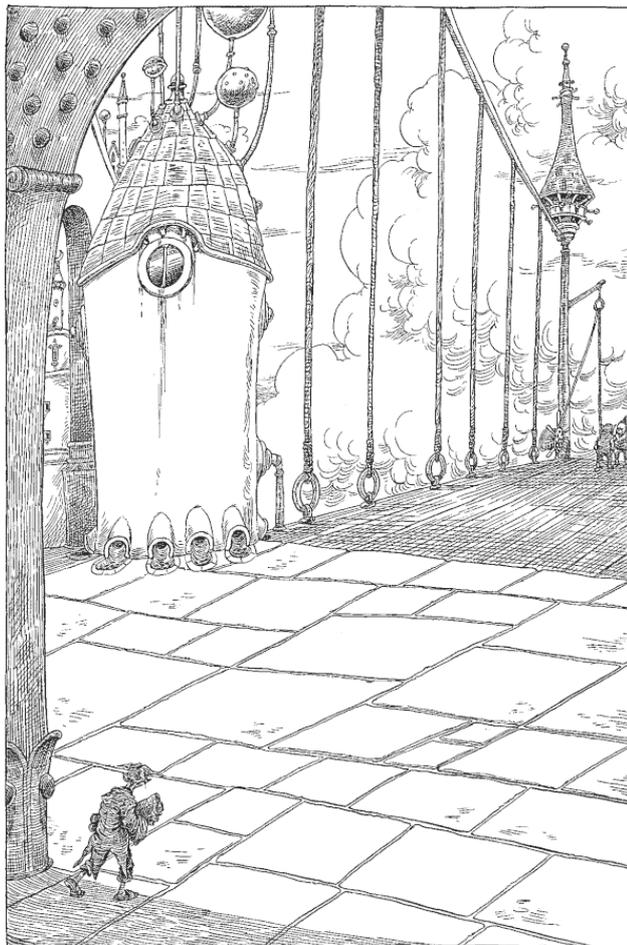
Однако Каулквейп мечтал о большем. Каждый раз, когда у него появлялась малейшая возможность, он убегал в Главную Библиотеку Сантафракса – место, которым остальные прискорбно пренебрегали, – и погружался в бесчисленные пыльные свитки, которые там хранились.

Библиотеку не любили. У нее не было ни очарования Колледжа Облакологии или Академии Ветра, ни власти и влияния Школы Темноты и Света, но ведь и самого Каулквейпа тоже не любили. Его отец, дородный, властный, быкообразный член Лиги, которого звали Улбус Пентефраксис, купил ему место в Сантафраксе.

– Ты никогда не пробьешь себе дорогу в Лигах, маленький пугливый червячок, – сказал ему когда-то отец. – Может, хоть эти напыщенные наблюдатели погоды сделают из тебя что-то приличное. Я точно не смогу, это не в моих силах!

Оттого-то он купил для сына место младшего служки. Сначала Каулквейп был вне себя от радости. Но вскоре он обнаружил, что воздушный город может быть столь же суровым местом для жизни, как и улицы Нижнего Города. Хотя члены Лиги, несомненно, были богаты, все ученые в Сантафраксе их презирали, а тех помощников и подмастерьев, которые получали место в воздушном городе за деньги, презирали и того больше.

Торопливо проходя по пустынным проспектам величественного воздушного города, Каулквейп останавливался, чтобы как следует рассмотреть красоту, которая его окружала: башни с минаретами, куполами и шпилями, горевшие розоватым светом в лучах восходящего солнца, дивные резные колонны, статуи и фонтаны, взмывающие вверх лестницы и крытые галереи. Он знал, что никогда в жизни все это не станет родным и близким. Слишком уж оно было изящно. Слишком богато. Так пышно.

Каулквейп вздохнул. Когда он смотрел на все это величие, то чувствовал себя еще меньше и незначительнее, чем обычно. Ему вспомнились насмешки Бокса. «Урод из Нижнего Города!»

Он подумал, примут ли его когда-нибудь в этом великолепном месте, станет ли он однажды чем-то большим, нежели маленьким пугливым червячком?

В одном юноша был уверен: он никогда не вернется в Нижний Город.

Шум, грязь, удары и тычки отца и разочарование в глазах матери перед ее смертью. Жизнь в Нижнем Городе его совсем измучила. Нет, будь что будет, а дом-то теперь в Сантафраксе. Отец платит хорошие деньги за то, что Колледж Облакологии держит у себя его сына. И он, Каулквейп, когда-нибудь завоюет уважение этих высокомерных профессоров!

– Будь смелее! – прошептал он. – Увереннее!

Каулквейп как раз поворачивал за угол Института Льда и Снега, когда услышал голос, доносившийся с посадочной площадки впереди него.

– Насмерть раздавило тяжелой ерундой, упавшей с неба, – говорил кто-то.

Каулквейп пошел было вперед, но потом отшатнулся и спрятался в тени. Коренастый крохгоблин разговаривал с приятелем, подтягивателем корзин, на навесной платформе.

– И что потом? – сказал приятель крохгоблина.

– Я-то знаю, – сказал крохгоблин. – Я только минуту назад вернулся из Нижнего Города. Мне повезло, что спасся, скажу тебе. Я был в таверне «Дуб-кровосос», и тут Мамаша Твердопух – эта старая курица, хозяйка заведения, – внезапно прибегает, вся дрожит и раскудаhtалась, что воздушный корабль попал в этот жуткий шторм, его разнесло на кусочки, а смертоносные обломки посыпались на Нижний Город. Огромное рулевое колесо хряпну-

лось прямо на крышу Палаты Лиг, пробило ее и расплющило троих важных шишек между прочим.

– Да ты че! – удивился его приятель и даже глаза выпучил от любопытства и желания разузнать кр-р-ровавые подробности.

– Мамой клянусь, – подтвердил крохгоблин. Он поднял руки и на пальцах пересчитал жертв. – Первый – Глава Лиг, – сказал он, – Симон или Симеон, что-то в этом роде. Потом этот тип от Клея и Веревок, как его там. И еще... – Он нахмурился в задумчивости. – А, ну да, и капитан одной из ихних патрульных лодок Лиг. Пентефраксис. Улбус Пентефраксис.

Каулквейп почувствовал, будто его самого придавило рулевым колесом. Его отец мертв! Он бы, может, и не оплакивал потерю своего весьма неприятного папаши, однако его дыхание вдруг прервалось от волнения и мысли о том, какие ужасные последствия предполагали эти новости.

Когда умирал член Лиги, она забирала себе все. И возможно, уже сейчас бывшие коллеги отца выносят из отцовского особняка все, на что могут наложить лапы, кружатся там, подобно стае алчных воронов. А кто их остановит? Уж конечно, не его слабосильный единственный сын, живущий в Сантафраксе.

– Сантафракс! – застонал Каулквейп, обхватив голову руками. Кто же будет платить за его место? Колледж Облакологии просто выкинет его обратно на улицы Нижнего Города, как только перестанут поступать деньги. С ним все было кончено, все было потеряно – его только воронам оставалось скормить.

Возвращение из Каменных Садов заняло больше времени, чем хотелось бы, и солнце уже давно встало, когда тролль-несун наконец добрался до Нижнего Города. Прежде всего (хотя кости у Прутика не были переломаны) то, что он пережил во время бури, сделало его медлительным и слабым. Пока профессор вел беднягу до повозки, ему пришлось несколько раз останавливаться. А когда они наконец дошли, тролль-несун стал настаивать на просмотре платы за проезд, потому что из Каменных Садов возвращаются уже двое, а не один профессор, которого он сюда привез.

– Больше весу – больше плата! – настаивал тролль-несун и отказался двигаться с места, пока профессор не сдался.

Потом, когда о сумме оплаты наконец договорились и они отправились в путь, оказалось, что тролль-несун взял на себя непосильную задачу. Он и на ровном месте отдувался, задыхался и полз как черепаха, а уж на холмах он так тяжело хрипел, что профессора временами охватывало сомнение, доедут ли они вообще.

Что касается Прутика, тот не запомнил происходившего. Он ничего так и не сказал, кроме того первого слова. Отстраненный и вялый, молодой капитан дал Профессору Темноты запихать себя в повозку. Когда их путешествие подошло к концу, яркий свет, приведший профессора к Прутику, угас.

– Скоро приедем, – ободряюще заметил Профессор Темноты.

Прутик никак не показал, что слышит его.

– Помнишь, как мы впервые встретились? – спросил профессор, пытаясь растормозить память Прутика. – Когда ты пришел в мой старый кабинет, на самом верху Башни Дождеведов... – Он усмехнулся. – Неба ради, Прутик, – добавил он, – ты тогда помог Сантафраксу в час нужды. Теперь Сантафракс поможет тебе. Я тебе в этом клянусь. – Он взглянул на озадаченное лицо Прутика и вздрогнул от сочувствия и беспомощности. – Прутик, а Прутик, – продолжал он, – во имя неба, что заставило тебя отважиться без привязи отправиться в открытое небо? Ты что, не понимал, с какими опасностями там столкнешься? – Он схватил Прутика за плечи. – Что там произошло?

Но Прутик не ответил. В сознании молодого капитана воздушных пиратов, очевидно, все перемешалось. Если ему быстро не оказать помощь, есть опасность, что он окончательно сойдет с ума. Профессор огляделся по сторонам и обнаружил, что они уже подъезжают к пригороду Нижнего Города. Через пять минут тролль-несун положил на землю оглобли повозки.

– Приехали, – тяжело выдохнул он и наклонился, с трудом восстанавливая дыхание.

Профессор вылез из повозки и взглянул вверх, на воздушный город, парящий над ними. Одна из подвесных корзин качалась прямо у него над головой.

– Эй, есть там кто? – закричал он.

Все еще стоя в тени, Каулквейп смотрел на широкую мощеную улицу: в ушах у него звенело, глаза заволакивало туманом и тяжесть на сердце мешала дышать. Его взгляд блуждал по величественным зданиям, построенным специально для той или иной школы или колледжа.

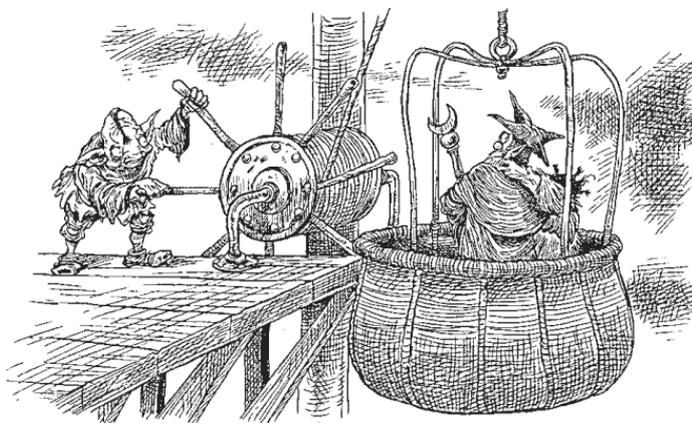
– И всего этого я никогда больше не увижу, – со слезами на глазах пробормотал Каулквейп. – Скоро я стану одним из нищих на улицах Нижнего Города.

И тут у края платформы началась суматоха. Профессор Темноты вылез из корзины, когда она была подтянута к посадочной площадке. С ним был кто-то еще: босой, худой, со спутанными волосами и в оборванной одежде. На минуту Каулквейп позабыл о своем несчастье. «Кто это? – удивился он. – И почему с ним сам Профессор Темноты?»

Когда крохгоблин снова опустил корзину и исчез из виду, оставив профессора и незнакомца одних, Каулквейп вышел из тени.

– Эй, паренек!

– Кто, я, сэр? – заикаясь, спросил Каулквейп, выронив все свои свитки.

Профессор Темноты оглядел его с головы до ног.

– Да, ты, – сказал он. – Помоги-ка поставить Пр... э-э... моего друга до Школы Темноты и Света и э-э...

– Конечно, сэр. Сейчас, сэр, – ответил Каулквейп, взваливая молодого человека на спину.

– Я надеюсь, ты умеешь держать рот на замке? – спросил профессор, показывая дорогу. – Я не хочу, чтобы ученые своими сплетнями беспокоили моего друга.

– Д-да, – тихо пробормотал Каулквейп.

Профессор устало взглянул на него и спросил:

– Как тебя зовут, паренек?

– Каулквейп, сэр, – ответил тот, – младший служка Сантафракса.

– Младший служка Сантафракса, – повторил профессор, сузив глаза. – Из Нижнего Города, судя по виду. Могу поспорить, у тебя богатый отец, член Лиги.

Они почти подошли ко входу в школу. Каулквейп кивнул:

– Да, сэр. Мой отец является членом... – он поправился, – был членом Лиги, сэр.

– Очень хорошо, очень хорошо, – рассеянно ответил профессор.

Они подошли к парадным дверям Школы Темноты и Света слишком скоро для Каулквейпа.

– Спасибо, паренек, – поблагодарил профессор, помогая полубесчувственному Прутику ступить на порог. Массивные кованые двери захлопнулись за ними.

Каулквейп остался стоять на улице в одиночестве и чувствовал себя абсолютно потерянным. И что теперь? Он повернулся и побрел назад тем же путем, что пришел. Сколько ему оставалось быть здесь? День? Неделю? Может, больше, а потом его выгонят, и вместе со своими жалкими пожитками он влезет в корзину, чтобы отправиться обратно в Нижний Город навсегда.

– Ну, Каулквейп, – сказал он себе, – ты найдешь самый темный, пыльный угол в Главной Библиотеке, а там – кто знает? – и храбро улыбнулся. – Может, они забудут обо мне, как обо всех этих свитках!

Глава шестая

Внутри и снаружи

В Обеденной Башне механически зазвонил громадный гонг. Все двери школ и колледжей Сантафракса распахнулись как одна, и голодная толпа болтающих профессоров, подмастерьев и помощников устремилась на обед. Опустив голову, с колотящимся сердцем Каулквейп присоединился к ним. Он проскользнул в столовую, где царили гвалт и суета, взял латунную миску и деревянную тарелку со стойки и смешался с бурлящей толпой, ожидавшей обеда.

Прошло уже десять дней, с тех пор как Профессор Темноты попросил Каулквейпа о помощи. Все это время парнишка прятался, забиваясь в пыльный угол Главной Библиотеки вместе со своими любимыми свитками. Он с головой погружался в фантастические рассказы и легенды, которые в них находил. Никто его не беспокоил, и он рисковал лишь время от времени совершать вылазки за едой – пирог чистильщика туалетов, оброненная подмастерьем по рассеянности тильдьячья колбаса.

Но вот уже по меньшей мере сутки, как у него маковой росинки во рту не было. Когда бедняга услышал звук обеденного гонга, голод взял свое. Ему так хотелось есть, что он был готов рискнуть всем ради миски горячей, вкусной, остренькой похлебки из тильдера, рискнуть даже тем, что подмастерья из Колледжа Облакологии могут поймать его и выгнать из Сантафракса навсегда.

За длинными высокими столами ждали старших профессоров. В галереях ученые и старшие подмастерья шумно толпились вокруг больших общих котлов. А в яме, внизу, галдящие слуги толкались и кричали вокруг труб с похлебкой, которые тянулись от огромного центрального котла. Пробиваясь сквозь шумную толпу, Каулквейп непроизвольно подслушивал обрывки разговоров.

– На Кафедре Психоклиматических Исследований подтвердили, что на днях действительно была буря чувств, – болтал один из подмастерьев. – И мы до сих пор ощущаем последствия.

Его коллега кивнул.

– Знаю, – сказал он. – Я вот думаю, очистится ли теперь небо когда-нибудь?

Во мраке, который упал той ночью и более не рассеивался, в Край поступала все более и более предательская погода. Дождь – на чувствометрах в башне Лофтус и на чердаке Кафедры Психоклиматических Исследований был отмечен темно-синий цвет – вызвал взрыв массового горя во всем округе. Плотный и маслянистый туман временно превратил жителей некоторых районов Нижнего Города в глухонемых, в то время как прошлой ночью сильный ливень привел к вспышкам жуткого насилия среди глыботрогов в воздушных доках.

Резкая перемена погоды вывела на сцену до сих пор непрестижную Кафедру Психоклиматических Исследований. Его декан, дородный мужчина, редкостная, надо сказать, канцелярская крыса, по имени Люд Сквомикс, теперь с важным видом восседал во главе длинных обеденных столов и выковыривал мясо из зубов, прекращая это занятие только затем, чтобы громко рыгнуть.

– Я думаю заполучить место на Кафедре, – говорил третий подмастерье. – В наши дни все происходит именно там. – Он украдкой оглянулся. – Слышал, ветроведы и дождеведы формируют коалицию.

– Пфф! Ну и флаг им в руки, – фыркнул его товарищ, – все они неудачники, прошло их времечко.

Вся столовая была взвинчена разговорами в таком духе. Уже привычным стало составление заговоров и контрзаговоров. И вдобавок ко всему этому, ходили другие слухи, которые не могли игнорировать даже самые спокойные и равнодушные к сплетням ученые.

Наверху, в галерее Колледжа Дождеведения, старший подмастерье повернулся к соседу:

– Я слышал, он что-то задумал. Что-то подозрительное!

Каулквейп насторожил уши.

– Что-то подозрительное? – переспросил его приятель. – Как, неужели сам Верховный Академик?..

– Вот именно, – кивнул старший подмастерье. – Мне кое-кто намекнул, что он кого-то держит взаперти у себя, в Школе Темноты и Света. Поговаривают, нашел его в Каменных Садах, и я вполне в это верю. Гостенек выглядит как бродяга и ничего не говорит, но может одним взглядом всю кровь заморозить у тебя в жилах.

– ...Совершенно безумный, судя по тому, как он кричит, – крикнул вниз подмастерье-облаколог с верхней галереи. – Он воет!

– Воет? – в один голос переспросили подмастерья-дождеведы.

– Как лесной волк, – продолжал облаколог, – каждую ночь. На вашем факультете, конечно, не слышно, но по всему Колледжу Облакологии разносится эхо. Это просто жутко.

Каулквейп нахмурился. До его укромного уголка в библиотеке, где он прятался, тоже доносились эти странные завывания, но он не связывал это с тем типом с пустыми глазами, которого встретил вместе с Профессором Темноты в то грозное утро.

Потихоньку пробираясь к трубам с похлебкой, Каулквейп продолжал думать о незнакомце. Судя по сплетням, таинственный незнакомец был не кем иным, как Прутиком, молодым капитаном воздушных пиратов, которого лишь несколько недель назад чествовали в Сантафраксе как героя. Говорили, что, должно быть, там-то с ним и произошло нечто непонятное, необъяснимое, отчего он онемел и впал в протрацию. Еще любопытнее было то, что, по слухам, Верховный Академик дал ему звание Помощника Профессора Света.

Толпа медленно двигалась к трубам с похлебкой. За спиной у Каулквейпа два младших подмастерья-ветроведа оплакивали свою судьбу.

– Измерять скорость ветра, измерять и еще раз измерять, – жаловался один из них, – а профессор-то какой тиран!

– Мерзкий тип, – согласился его приятель.

Каулквейп вздохнул. «По крайней мере у вас есть определенность в будущем, – с горечью думал он. – Не то что я». Он вздрогнул, когда латунная миска выскользнула у него из рук и загрохотала по каменному полу.

Дождеведы и облакологи, стоявшие вокруг него, с удивлением уставились на тщедушного вихрастого паренька.

– Ну, правда, мы хоть не младшие слуги, – презрительно прокомментировал произошедшее один из ветроведов.

– Из Нижнего Города, – высокомерно бросил другой.

– О небо! – раздался вдруг возглас во главе длинных столов, и все головы повернулись в ту сторону. Возглас принадлежал Люду Сквомиксу, который чуть не подавился мясом. – Кто бы мог подумать? – Он аж слюной брызгал.

Кто-то от удивления уронил графин.

– Зуб даю, – воскликнули рядом, – это ведь он.

Все смотрели на самый главный из длинных столов. Там, где питались самые выдающиеся ученые, появился Профессор Темноты, он вел за собой таинственного юношу с неподвижным взглядом, которого и усадил на свободное место.

Подмастерья совершенно позабыли о стоявшем среди них младшем слуге.

– Я просто не верю, что это Прутик, – послышалось замечание одного из них. – Я имею в виду, ты только взгляни на него!

– Как безумный, – согласился второй.

– И его еще собираются сделать Помощником Профессора Света! – заметил третий. – Не хотел бы я быть его учеником.

– Да уж, – рассмеялся первый подмастерье-дождевед. – Определенно, для ливня всего двух капель не хватает. – И все разразились хохотом от этой профессиональной шутки.

Все, кроме, разумеется, Каулквейпа. Пустоголовые подмастерья не видели ничего, кроме внешности, в то время как Каулквейп смотрел глубже. Что-то было в этом молодом Помощнике Профессора – некий отблеск острого и пронизательного ума в странных глазах. Возможно, Прутик совсем и не лишился рассудка, внезапно осенило Каулквейпа. Возможно, его взгляд просто обратился внутрь.

Оказавшись наконец рядом с трубой, Каулквейп потянул за рычажок, внимательно следя за тем, чтобы ни капли дымящейся похлебки из тильдера не пролилось мимо миски. Он ухватил ломоть хлеба из корзины под трубами, мокрый от похлебки, которую проливали другие, и стал проталкиваться к низким табуреткам, стоявшим, как грибы, под галереями. Подняв голову, он мог отлично видеть Прутика.

Вновь назначенный Помощник Профессора сидел, уставившись в пустоту, не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг. Время от времени, когда Профессор Темноты подталкивал его локтем, он, как птичка, чего-то начинал выбирать из тарелки. Но вскоре замирал в прежней позе, так и не успевая ничего толком съесть.

Глядя на этого молодого человека со сведенным судорогой лицом, который был лишь на несколько лет старше его, Каулквейп спрашивал себя, какие же ужасы пережил Прутик, когда «Танцующий-на-Краю» попал под удар бури чувств. Ведь в конце концов, если пролетевшая мимо туча вызвала драки у глыботрогов, то что же произошло с капитаном воздушных пиратов, который видел гибель своего корабля?

И в это мгновение черная как смоль туча затянула небо и столовая погрузилась во тьму. Профессор Темноты, для которого внезапно наступивший мрак был особенно интересен, вытащил из складок своей мантии измеритель уровня освещенности. Сосредоточившись на этом, он не заметил, как молодой Помощник встал с места и направился вниз по деревянной лестнице.

– Любопытно, – пробормотал Каулквейп.

Тяжелая рука вдруг опустилась ему на плечо, и он чуть не свалился с табуретки.

– Так-так-так, – раздался знакомый насмешливый голос. – Да ведь это же наш любимый маленький заморыш из Нижнего Города!

– Вокс! – ахнул Каулквейп, взглянув в надменное лицо высокого подмастерья-облаколога.

– Я слышал, будто кто-то не вносит денежки, – заметил тот. – Фу-фу, так дело не пойдет. Каулквейп вздрогнул.

– Пожалуйста, – умоляюще начал он, – просто мой отец, он...

– Рассказывай сказки Профессору Облакологии, червячок! – грозно отрезал Вокс и, как тисками, снова сжал плечо Каулквейпа.

На улице опять начался отвратительный морозящий дождь, приносящий гнев. Бешенство от несправедливости, измучившей его, зажглось в глазах Каулквейпа. Он же не виноват, что его отец погиб!

– Профессор Облакологии? – спросил он. – Профессор Облакологии!? – Его голос перешел в крик. Вокс уставился на него в изумлении. – Передай это своему Профессору вместо платы! – и с этими словами Каулквейп швырнул миску с дымящейся похлебкой прямо в лицо высокого подмастерья.

– А-а-а! – заорал Вокс, рухнув прямо в толпу просеивателей тумана, разбросав по пути миски с похлебкой.

Каулквейп встал и быстро направился к дверям, лавируя в толпе; едва ли он заметил, что сшиб с ног пару-другую опоздавших.

Снаружи было еще темнее, чем внутри, и вдали от шума столовой – гораздо страшнее. Черные тучи с пурпурной окантовкой по краям клубились над головой, как бурлящая древесная смола. Ветер пахнул серой. И хотя Каулквейп не знал, что чувствометры полыхали оранжевым светом, он ощущал в себе неведомую доселе неразбериху чувств: гнев, возбуждение и страх, иглками вонзавшийся в каждый нерв, – и все это было столь же безумно, переменчиво, как и погода вокруг него.

Крэк-чик-чик. По всему небу сверкали в разных направлениях багровые молнии, и гром, раздававшийся вслед за ними, грохотал вокруг воздушного города, сотрясая его до самого основания.

Чувствуя головокружение, Каулквейп направился к Главной Библиотеке, чтобы найти там пристанище. Быстро и бесшумно, стараясь держаться в тени, пробирался по мокрой каменной мостовой. За углом он остановился. Огляделся. Путь был свободен. Начиная с охранной башни, справа от посадочной площадки и налево, насколько хватало глаз, место было пустынно.

Когда он снова тронулся с места, небо озарилось вспышкой во второй раз, и Каулквейп краем глаза заметил какое-то движение. Он повернулся и стал присматриваться: в тусклом свете можно было разглядеть молодого Помощника Профессора. Тот стоял на каменной балюстраде посадочной площадки, расставив ноги, подняв голову, с распростертыми руками ладонями кверху. Вокруг него вились и трещали молнии.

– Прутик! – закричал Каулквейп. Непонятно, то ли весь сумбур внутри его, то ли просто сумасшедшая погода заставили его назвать Помощника Профессора по имени. Неужели он собирался прыгнуть? – Остановись! Стой!

Эти призывные крики заглушил новый раскат грома. Прутик зашатался на краю балюстрады и взмахнул руками.

– Нет! – завопил Каулквейп. В ужасе он бросился вперед и схватил Прутика за край накидки. – Ой! – воскликнул он, когда мех ежеобраза внезапно превратился в острые иглы, которые вонзились в кожу у него на руках. Капли крови показались на кончиках пальцев.

Снова сверкнула молния. Прогредел гром. Ветер усилился, начал брызгать легкий блестящий дождь. Во всем Сантафраксе настроение изменилось и перешло в радостное. Из столовой донесся счастливый гам Каулквейп, которого внезапно охватило опьяняющее чувство собственной силы, схватил Прутика за руку и стащил с балюстрады. Тот упал на землю.

– Простите, Помощник, – прошептал Каулквейп, – я думал, вы собираетесь спрыгнуть. Прутик поднялся на ноги.

– Что ты сказал? – очнулся он.

У Каулквейпа рот раскрылся от удивления:

– Вы что-то сказали! А еще говорят, что вы немой...

Прутик нахмурился и прикоснулся к губам.

– Я и был немой, – задумчиво прошептал он. Затем огляделся так, как будто впервые осознал, где находится. – Но... что я здесь делаю? – спросил он. – И кто ты такой?

– Каулквейп, профессор, – ответил тот, – младший служка, – если вам угодно.

– Ну, мне-то вполне угодно, – заметил Прутик, которого позабавила официальность, с какой обращался к нему этот паренек. Потом он нахмурился. – Как ты сказал... Профессор?

– Да, – ответил Каулквейп, – хотя точнее, конечно, было бы сказать: Помощник Профессора. Вы новый Помощник Профессора Света, по крайней мере если верить слухам.

Прутик выглядел ошеломленным. «Должно быть, это Профессор Темноты устроил», – решил он.

– Именно Профессор Темноты привез вас в Санктафракс, – подтвердил Каулквейп. – Из Каменных Садов, как говорят. Он...

– Каменные Сады, – думал вслух Прутик.

– Значит, мне это не привиделось. – Он повернулся к Каулквейпу, растерянный и изумленный. – И все же... – Он нахмурился, пытаясь сосредоточиться и что-то вспомнить. – Но что же я такое забыл?... – и медленно почесал в затылке. – Все как будто во сне происходило. Я помню мою команду, путешествие, как мы вошли в вихрь, а потом... Ничего! – Он замолчал. – До нынешнего момента, когда ты явно остановил меня и не дал броситься вниз и разбиться насмерть. – Прутик улыбнулся. – Спасибо. Как, ты сказал, тебя зовут?

– Каулквейп, – ответил Каулквейп. – Я не знаю, что на меня нашло. Я не должен был вас спасать. – Он в отчаянии устался в землю. – Я должен был прыгнуть вместе с вами. Мне незачем жить на свете!

– Ну-ну, что ты, – мягко посочувствовал молодой профессор и положил руку на плечо Каулквейпа. – Ты ведь на самом деле так не думаешь.

– Думаю, – выдохнул Каулквейп, свесив голову. – Я из Нижнего Города. Мой отец умер, и теперь некому платить за мое здесь пребывание. Когда меня найдут, то выгонят вон из Санктафракса. Так зачем же мне жить?

Прутик посмотрел на юного слугу, который так стремился к знаниям.

– Ты меня спас, – просто сказал он. – Я думаю, мне надо отдать тебе долг. Ты говоришь, я Помощник Профессора Света?

Каулквейп кивнул.

– В таком случае настоящим назначаю тебя, Каулквейп, своим подмастерьем.

– Каулквейп, – радостно поправил его Каулквейп. – Вы серьезно?

– Конечно, – улыбаясь, ответил Прутик. – Мне понадобится смысленый молодой подмастерье, который позаботится о том, чтобы я окончательно проснулся. Мне многое предстоит сделать.

– Я позабочусь о вас, профессор, – заверил его Каулквейп, – обязательно позабочусь.

Глава седьмая

Карта падающих звезд

Каулквейп вышел из Главной Библиотеки, стряхивая пыль с новой мантии. Дорогой черный материал так и искрился, а меховая отделка казалась даже чересчур богатой, но одежда сидела на нем идеально. Он прижимал к груди старинные свитки и спешил по направлению к Школе Темноты и Света.

Повернув в узкую улочку рядом с Башней Облакологов, он остановился. Там, преграждая ему путь, стоял Вокс, облаколог, лицо которого лоснилось от древесного бальзама.

– Наконец-то он один! – прорычал высокий подмастерье.

Еще двое подмастерьев-облакологов появились за спиной у Каулквейпа. Его поймали в ловушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.